

ДЖИЛЛ БАРНЕТ

РАЙСКИЙ
ОСТРОВ

Джилл Барнет

Райский остров

OCR Roland; SpellCheck Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156591

Райский остров: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-018037-3

Аннотация

Самоуверенная белокурая красавица и сильный, решительный мужчина волею случая оказались на райском тропическом острове!

Конечно, Хэнка безумно раздражает Маргарет. Конечно, Маргарет начинает испытывать неприязнь к Хэнку. Но говорят, от ненависти до любви – ОДИН ШАГ! И вот уже Хэнка и Маргарет влечет друг к другу внезапно вспыхнувшая СТРАСТЬ. Страсть жгучая и неодолимая, чувственная и чистая, небесная и земная...

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	64
Глава 6	78
Глава 7	88
Глава 8	106
Глава 9	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Джилл Барнет

Райский остров

Вместо предисловия

Где-то в Тихом океане

Октябрь 1896 года

Бутылка была такой же старой, как и само время. Она качалась на волнах, словно обломки старого корабля, несмотря на серебряную резную пробку, блестящую в лучах яркого солнца. Чайки часто пикировали на плывущую бутылку, которая сверху напоминала им жирную серебристую селедку – достойный приз за мужество. Множество других морских птиц камнем падали вниз, чтобы затем столь же стремительно подняться, столкнувшись с твердым металлом вместо нежной добычи.

К сожалению, на древней бутылке не было драгоценных камней, только несколько царапин да отметки клювов. Камни так просто не заслужить, они даются, как крылья ангелу. Кроваво-красный рубин добавил бы бутылке своеобразия, а бриллиант – пышности. Высшей наградой – медалью за отвагу – был жемчуг, которым увенчивались самые героические деяния. Да-да, именно жемчуг был бы наилучшим украшением жилища джинна.

Да, джинна... Например, Мухдулы Али, джинна пурпурного цвета из Персии, известного также как Мадди. С незапамятных времен люди спорили, существуют ли джинны, при этом они верили в чудеса и ангелов. «Сколько же ангелов может поместиться на острие пера?» – ломали себе голову эти ученые. (Впрочем, давно известно, что там есть место только для фей, ибо ангелы слишком велики.) Те схоласты были учеными-прагматиками, а не фантазерами, у них не оставалось времени для мечты. Самым большим и горячим желанием Мадди было встретить какого-нибудь наивного простака, который мог бы поверить в неизведанное (то, чего никогда еще не видели) и который не стал бы спорить, а весь отдался бы воображению.

Мадди, в свою очередь, истово верил в то, что такие чудачки где-то на земле есть. Эта надежда жила в нем две тысячи лет с небольшим. Ему необходимо было найти счастливую в своем неведении душу, которая была бы способна отказаться от предубеждений и безоговорочно пойти за мечтой.

Понятно, что Мадди приходилось нелегко. Он по-настоящему нуждался в удаче. Его мучило то, что бутылка была девственно чистой, без единого украшения. Мадди никогда не везло. Да и история его началась-то неудачно.

Первым господином его был не кто иной, как Парис, троянский принц. У Париса никогда... не было ни гроша. Дальше все было в том же духе. Он начал с того, что похитил Елену Прекрасную, ни на секунду не задумавшись о том, что

она – жена другого человека. Разразившаяся вслед за этим война длилась десять лет. Затем принц доконал отцовское государство, ибо решил, что большой деревянный конь – подарок дружественных греков.

У джиннов уж так заведено: они не могут превосходить в чем-то своих хозяев. Каков господин, таков и джинн. И вот уже две тысячи лет верой и правдой Мадди служил самым, быть может, большим неудачником, самым невезучим из сынов человеческих. Один был поглощен собой, даже отказался от услуг Мадди, ибо не выносил волшебного дыма. Другой страстно хотел оставить свой след в истории. Бедная женщина из Чикаго, миссис О'Лири, хотела только завести корову. Остальные были еще невыносимее и невезучее.

Мадди вздохнул и откинулся на мягкие шелковые подушки, которые окружали его со всех сторон, почти заполняя изнутри пространство его бедной, неукрашенной бутылки. Он заложил руки за голову и позволил ленивым волнам укачать себя. Но как раз перед тем, как закрыть глаза, он подумал: много ли времени пройдет, прежде чем кто-нибудь найдет его? Пройдут месяцы? Или годы? Беспомощно пожав плечами, Мадди заснул, не подозревая, что его разбудят через каких-нибудь несколько недель.

Глава 1

Сан-Франциско

Октябрь 1896 года

Маргарет Хантингтон Смит выглядела так, будто у нее есть все. Она была уверена в себе, и ее высокий рост, казалось, подчеркивал, что она имеет на это право. Она была высокой блондинкой, очень красивой и богатой. Она была адвокатом, и в данный момент – очень счастливым адвокатом. Лицо Маргарет лучилось довольной улыбкой. Так, видимо, выглядит кошка, наевшаяся сливок. Спустившись по ступенькам лестницы здания суда, Маргарет села в сверкающий черным лаком экипаж и бросила свой портфель из телячьей кожи на сиденье. Устроившись на бархатных подушках, она лукаво подмигнула седовласому и весьма почтенному джентльмену, расположившемуся напротив нее. Гарлан Смит засмеялся, увидев выражение лица дочери.

– Маргарет, девочка моя, благословляю твою способность скрывать свои чувства в зале суда. Иначе ты не смогла бы выиграть ни одного процесса.

Она стащила перчатки и самодовольно усмехнулась:

– Положим, этот я выиграла.

– О да! И с каким триумфом!

– Ценю комплимент из уст не просто отца, но судьи. –

Она звонко и беззаботно рассмеялась. – Удачно все прошло,

правда?

– Прекрасно помню, как ты завязывала ленты в косы. – Он покачал головой. – Теперь на моих глазах ты оплела противника так, что ему уж было не выбраться.

– Это ты, папа, научил меня всему, что я знаю.

– Да, полагаю, да.

Как ему было не гордиться дочерью!

Ради одного такого взгляда отца Маргарет готова была забыть бесконечные месяцы труда, они не прошли даром.

Отец и дочь сидели молча, пока карета ехала по крутым холмам Сан-Франциско. Слышно было, как копыта лошадей цокают по мостовым и экипаж переезжает через рельсы конки. Мальчишки-газетчики громко кричали, продавая вечерние выпуски газет. Порыв холодного октябрьского ветра с Тихого океана ударил в окна элегантного экипажа. Далеко внизу, там, где собирался туман, громко били колокола, на перекрестке прозвенела конка. Маргарет почувствовала взгляд отца и повернулась.

– Как жаль, что твоя мать не видит тебя сейчас, – сказал он. Глаза его, лучившиеся гордостью, затуманились от далеких воспоминаний.

Маргарет потянулась и взяла его за руку.

– Я знаю, папа, мне бы тоже хотелось, чтобы мама была сейчас с нами.

Отец отвернулся на какое-то мгновение. Маргарет поняла: он опять переживает то, что приходится переживать так

или иначе всем потерявшим кого-либо из близких, пытается предположить, «а что, если бы...».

Она отпустила его руку и вскоре заметила, что выражение его глаз смягчилось и он вынимает из кармана сюртука какой-то конверт.

– Что это?

Его лицо было непроницаемо.

– Открой и посмотри.

Маргарет сломала печать и заглянула внутрь. Затем достала целую пачку билетов, перевернула верхний, прочитала то, что там было написано, и взглянула на отца.

– Это билет первого класса на океанский лайнер.

Он кивнул.

– Направляющегося?.. – Она размышляла вслух, перебирая билеты и разглядывая описание маршрута. – Южные моря?

– Да, плюс ваучеры на переезды между островами. – Он улыбнулся. – Французская Полинезия, Таити, острова Кука и другие. Немного райских удовольствий для дочери, которая слишком много работает.

– О, папа, – она поцеловала отца в щеку и еще раз посмотрела на билеты, – благодарю тебя.

– Ты довольна?

Легкая улыбка тронула ее губы.

– Разумеется.

– Хорошо. – Он начал рассказывать ей о том, что ждет ее

в путешествии. Оказывается, современная цивилизация еще не успела разрушить до конца все райские уголки на южных островах.

Маргарет слушала отца и смотрела в окно на залив. Пелена тумана надвигалась на город с моря и скрывала за собой плотные ряды ярко раскрашенных, тесно прижавшихся друг к другу домов. Как только карета проезжала мимо, они, казалось, сливались, как цвета в радуге.

Отец мечтал о таком путешествии всю жизнь. Это была его мечта, его, а не ее. Впрочем, последние несколько лет она работала не покладая рук, для мечты просто не оставалось времени. Она смотрела на конверт и думала, что обязательно поедет. Поедет, потому что отец всегда этого хотел. Маргарет внезапно нахмурилась и снова просмотрела билеты.

– Папа! Что такое? Здесь только один билет. А где твой?

Он прочистил горло, затем сказал:

– Я сейчас поехать не могу.

– Я что, еду одна? Но ведь...

Он поднял руку привычным жестом. Маргарет даже показалось, что в ней зажат судейский молоток.

– В суде полно дел. Мы должны начать слушания по делу Малларда.

– Так быстро?

Он кивнул:

– Да, послезавтра.

Маргарет закрыла конверт.

– Тогда я подожду, пока ты не сможешь поехать.

– Об этом не может быть и речи. К тому времени ты окунешься в другое дело и не захочешь отрываться от него.

– Но...

– Даже не пытайся спорить, Маргарет. Тебе не выиграть это дело. Я тебя всему научил, научил вести спор, но сейчас заявляю со всей ответственностью, что ты не получишь новое дело, пока не отдохнешь.

– Ты давишь на меня своим авторитетом.

– Да, и совершенно намеренно.

– Насилие над личностью, – проворчала Маргарет.

– Я – твой отец, и последние пять лет я наблюдал, как ты работаешь. У тебя совсем не остается времени на личную жизнь.

– Я счастлива, когда работаю.

– Да, я знаю, ты стремишься сделать мир справедливым и честным.

– Мир, несомненно, станет более пригодным для житья, если в нем прибавится справедливости для всех.

– Согласен, но такие вещи не делаются в одиночку.

– Я могу попытаться.

– Но при этом ты исключаете все остальное. Маргарет, что ты сделала лично для себя за эти годы?

– Я выигрывала свои процессы.

Он пристально посмотрел на нее.

– Жизнь проходит мимо тебя.

– Это звучит так, как будто я стою одной ногой в могиле.

Он засмеялся:

– Тебе тридцать два, ты не становишься моложе.

– Премного благодарна.

– Поезжай, – он помолчал, – ради меня.

Маргарет мучили сомнения: она не хотела ехать в это путешествие. Она бы предпочла остаться и поработать. Закон давал ей ощущение надежности, безопасности и душевного уюта. Она так хорошо все знала и была уверена в себе. Но, подняв глаза на отца, девушка поняла, что не сможет ничего ему доказать. Она поедет, так как отец этого хочет. Мать Маргарет умерла, когда ей едва исполнилось семь лет. И они остались только вдвоем. Конечно, у ее матери были братья, партнеры отца в их адвокатской фирме. Ее дяди всегда были рядом с ней во время праздников и будней – когда она была ребенком и когда, повзрослев, начала изучать закон. Но на самом деле ее настоящей семьей был отец. И он прав. Она поедет в этот круиз ради него, ибо он единственный и самым важным человеком в ее жизни.

Итак, ровно через неделю после этого разговора она поднималась по трапу океанского лайнера, уже вполне смирившись со своей судьбой. Пока она шла, многие смотрели ей вслед. Она уже привыкла к мужским взглядам и научилась мириться с ними. Маргарет прекрасно знала, что сильная половина человечества находила ее весьма привлекательной,

но для нее это было сущим наказанием. Больше всего в жизни ей хотелось, чтобы ее воспринимали всерьез. Ее отец и дяди всегда относились к ней с уважением. Но все остальные!

Для них она была просто красивой женщиной, с которой можно пококетничать, и только. Никто не признавал, что у Маргарет Смит может быть душа. У такой хорошенькой женщины ее быть не может! Маргарет должна была сама добиваться уважения, ведь никто и не предполагал, что, кроме красоты, у нее есть что еще предложить миру.

Не может же она быть умной, ведь она так хороша! Она не может быть глубокой – у нее такие роскошные светлые волосы! Какой из нее мыслитель, когда у нее столько денег! У нее не может быть ни ума, ни сердца, ведь она не похожа на других. В этой жизни ей не приходится сталкиваться с оскорблениями и обидами.

Маргарет часто вспоминала, как ее приятельница однажды сказала ей с саркастической улыбкой: «Откуда тебе-то знать, что такое быть униженной! Ты же родилась и выросла с серебряной ложкой во рту».

И так думала не одна ее приятельница. «Эта Маргарет Хантингтон Смит, у нее-то есть все! Чего ей не хватает?» Никто и никогда не догадывался, что, хотя у нее есть любящий отец и заботливые дяди и она окружена красотой и богатством, она часто чувствует себя одинокой и незащищенной.

Она пыталась спрятать свое одиночество и не делилась ни с кем. Она скрывала беспричинные слезы от отца, так как не могла бы объяснить ему причину своего желания поплакать, ведь она и сама не всегда себя понимала, и ей не с кем было поделиться своими женскими сомнениями.

Она жила среди мужчин и хотела подражать им во всем, пыталась быть уверенной в себе и сильной, независимой и целеустремленной. Пока она росла, она всегда думала, что во всех отношениях должна быть безупречной в глазах окружающих, и особенно в глазах собственного отца. Может быть, поэтому она так много работала, пытаясь добиться, чтобы воцарилась справедливость. Самой Маргарет ее всегда не хватало.

Колония «Ворота прокаженного»

Остров Дольфин

Два месяца спустя

Хэнк Уайатт ни во что не верил, потому что никогда ничего не имел. Почти ничего. Когда-то у него была мать. Когда ему исполнилось пять, она отвела его в приют.

– Улыбайся, Генри Джеймс, и будь хорошим мальчиком, – сказала она. – Кто-нибудь обязательно возьмет тебя.

Затем она повернулась и пошла к двери, как будто его никогда и не было.

Но он существовал! Тридцать пять лет своей дальнейшей жизни он заботился о том, чтобы об этом не забывали.

И добился своего. Ни одна живая душа в «Воротах прокаженного» ни на секунду не забывала, что есть такой Генри Джеймс Уайатт.

Он был американцем, выходцем из питсбургских трущоб. Он вечно всем причинял беспокойство, но был из тех, кто выживал во всех экстремальных ситуациях. Он быстро всему учился, иначе бы он просто погиб. Жизнь никогда не выкидывала ему тузов, только двойки.

Но зато тузы всегда были у него в рукаве, и он всегда знал, когда их пускать в ход, когда лгать, когда обманывать, когда улепетывать во весь дух.

Уроки доставались ему очень тяжело, и он рано понял, что жизнь по десяти заповедям не для него. Никакой другой щеки. Никакой чуши вроде «поступай с другими так...». Он старался опередить других.

В «Ворота прокаженного» он попал случайно, по ложному обвинению. Это была ошибка. И Хэнк боролся изо всех сил с теми, кто посадил его на цепь. Первую же неделю он провел в карцере – деревянном гробу три на шесть футов, под палящим тропическим солнцем. Воду ему давали раз в день. Никакой пищи. Еда не для таких, как Хэнк. Таких узников, как он, надо ломать.

Все эти четыре года они пытались добиться своего. И до сих пор им не удалось подчинить его волю.

Он стоял под солнцем уже ровно два дня, его руки и ноги были привязаны к двум столбам, вкопанным в землю. Воло-

сы на голове слиплись от пота в невероятный колтун, и серебряные пряди седины теперь были лучше видны. У Хэнка были иссиня-черные волосы, но сейчас цвет их потускнел, как у износившейся плетки-семихвостки.

Уголки глаз были в преждевременных морщинах, этих естественных шрамах прожитых лет, – каждый трудный год из его сорока оставил свою отметину.

У Хэнка Уайатта были полные решимости, твердые глаза. Они были серого цвета, цвета угля и металла. Эти глаза, как стальная стена, только отражали падающий свет, никак не показывая работу мысли, но Хэнк думал, и думал напряженно, ибо ему надо было выжить, выстоять.

Кожа его темно-коричневого цвета была прокалена жгучим солнцем настолько, что новички не выдержали бы на такой жаре и часа. У него был безжалостно квадратный, упрямый подбородок, покрытый неровной щетиной. Хэнк пытался бриться заточенным куском металла, который он подобрал в каком-то углу. Он был высок ростом, очень крепок, но строен. Его могучие, как у атлета, руки с годами стали еще крепче от постоянной работы кувалдой в карьере. Длинные ноги также были очень мускулистыми. Тяжесть цепей или закаляет людей, или ломает их. Как раз сейчас его ноги и руки так затекли и онемели, как никогда. Он их почти не чувствовал. Однако ум его был ясен.

С отчаянием обреченного Хэнк следил за окружающим из-под полуприкрытых век, не ослабляя внимания ни на ми-

нуту. Дыхание было прерывистым, неровным: Хэнк хотел обмануть сторожей и показать, что он близок к своему последнему часу. Рой гудящих насекомых кружился над местом, где томился Хэнк. Вдруг до его ушей донеслись крики какого-то истязаемого узника. Хэнк поклялся про себя, что из его горла не вырвется ни одного стога. Он стоял и слушал постоянное звяканье цепей и ножных кандалов, монотонные удары бесчисленных молотов в карьере. Одно это могло свести любого с ума. Откуда-то издалека доносился и другой шум – дразнящий зов моря да изредка резкие крики кружащихся чаек.

Все эти звуки шли как будто из другого мира, тревожили и не давали впасть в забытие. Его и раньше наказывали у столба. Но на этот раз он перешел все границы, и его будут держать здесь до самого конца. Он, Хэнк, прекрасно это понимал и был готов на все. Он приглядывался и прислушивался, ничто не ускользало от его внимания. Черт возьми, если бы это было нужно, чтобы выжить, Хэнк услышал бы, как он потеет.

Еще два дня они сомневались, жив он или умер. Наконец, когда обрезали веревку, Хэнк упал, и его оттащили в центр площадки и бросили там. С его губ не сорвалось ни одного звука. Он лежал абсолютно недвижим. Его долго поливали водой, ведрами пресной воды. Ни один узник, который был привязан к столбу, не мог удержаться, чтобы хотя бы не облизнуть губы после такой тяжелой жажды. Только мертвые

не отзывались. И Хэнк.

– Он умер.

Воцарилось молчание, которое можно сравнить только с безмолвием, которое предшествует вынесению приговора.

– Дай ему как следует, чтобы удостовериться.

Хэнк услышал шаги. Чьи-то ноги в сапогах остановились около его головы, и он приготовился к удару.

– Не туда, – раздалась команда. – Сюда!

Ублюдок ударил его ногой в промежность.

Хэнк очнулся от дребезжания вагонетки. Наконец она остановилась. Тупая боль между ног помогла ему сообразить, что он еще не умер, и вспомнить последние мгновения перед тем, как он потерял сознание. Видимо, он не застонал и не согнулся пополам, а потерял сознание, и это его спасло. Он лежал на полу вагонетки в окружении мертвых товарищей. Он осторожно вздохнул и чуть не отключился снова то ли от боли, то ли от запаха смерти. Он знал, как все будет происходить. Узников провожали в последний путь священник и один стражник. Трупы вывозили за огороженную территорию в джунглях и бросали в общую яму. Хэнк прислушался. Неужели повезло? Никто не разговаривал. Вдруг сиденье под кем-то затрещало, и этот кто-то тяжело спрыгнул на песок. Пищали какие-то птицы. Горячий воздух был полон гудением насекомых. Задние дверцы вагонетки открылись. Наконец священник стал читать по-латыни свои молитвы. Медленно-медленно вагон разгружался. Пора бежать. Но

он даже не мог себе представить, как поднимется на ноги. Черт возьми, он встанет, даже если это будет его последним движением в жизни. Кто-то схватил его за лодыжки и подтянул к себе. Священник запел и дотронулся до его лба рукой. Хэнк неожиданно открыл глаза, и его кулак метнулся вверх. Он сбил стражника и вскочил. Осмотрелся. Вокруг никого не было, кроме ошарашенного попа. Хэнк сделал к нему шаг. Молитвенник выпал из дрожащих рук священника.

– Молитесь за меня, святой отец. – Хэнк поднял книгу и подал ее священнику. – Мне понадобится и ваше участие, и Господа.

Его преподобие моргнул, затем с удивлением стал разглядывать ожившего узника. Хэнк ухмыльнулся. Священник потянулся за молитвенником и в этот момент получил удар по голове.

Глава 2

Порт Элен, северная часть острова Дольфин

Два дня спустя

Хэнк пробирался сквозь толпу людей, колышущуюся на оживленной улице, которая отделяла город от порта. Широкополую черную шляпу, взятую у священника, он надвинул на самые глаза, которые своим блеском могли выдать его, а руки засунул в карманы сутаны.

Слева стояли похожие на ряд странных цветных зубьев ярко раскрашенные дома с большими террасами. Далее следовало серое мрачное здание таможни. Ряд кокосовых пальм тянулся до самой западной оконечности гавани. Вдоль улицы стояли лотки продавцов фруктов, ломившиеся от папайи, бананов, манго, плодов хлебного дерева и других даров тропиков. В толпе было множество местных жительниц, деловито покупавших корзинами фрукты у уличных разносчиков, которые торговали всем, начиная с еды и мачете и кончая пестрыми тканями и бамбуком. Проталкиваясь сквозь толпу, Хэнк умудрился украсть три банана и губную гармошку. Стоящие в ряд ящики на деревянных поддонах, бочонки, бочки, тюки с коноплей напоминали узников во время переклички. Сразу за ними были штабеля готового к отправке леса, а также три вагона камня из карьера, где работали заключенные. Хэнк некоторое время задумчиво смотрел на

них: перед его мысленным взором пронесли последние четыре года его жизни. Затем он глубоко вдохнул свежий воздух и пошел дальше.

Здесь же на улице маленький оркестрик играл простые местные мелодии, музыканты азартно били в высокие гулкие барабаны, отбивая ритм.

Мальчишки и девчонки с огромными плетеными корзинами за спиной продавали сладкий сахарный тростник и ракушки. К причалу подходило маленькое суденышко, рыбаки которого весело сообщали о том, какой у них богатый улов тунца. В толпе показались монахини в высоких головных уборах и священники – их широкополые черные шляпы были заметны издалека. Эти последние благословляли улов рыбы, всяческую снедь, коз, ослов, даже кошек и собак, маленьких детей. Рядом с таможней прогуливались местные плантаторы, одетые в белоснежные костюмы, и богатые negociants в темном твиде или серой фланели. Хэнку чудилось, что карманы их слишком отягощены солидными кошельками, для которых, как и для розовых манго, подошло время жатвы.

Вокруг него кипела жизнь. Это была свобода. Во время этих долгих, невыносимо жарких дней и жизнь, и свобода представлялись ему абсолютно недоступными, какими-то нереальными далекими воспоминаниями. Пока Хэнк чистил и ел банан, он наблюдал за окружающими, наслаждаясь свободой. Когда он был заточен в камеру или в карцер во время

наказаний, он всегда вспоминал простую жизнь, состоящую из мелочей. Быть может, частично, но он боролся и выжил именно потому, что хотел вернуться к этой жизни. В то же время, пока он стоял и смотрел, ему пришло в голову, что никогда еще у него не было своей собственной жизни, вернее, места в этой жизни. Он никогда и никуда не вписывался. В лучшем случае он занимал чье-то чужое место. Вот как сейчас. На нем была черная одежда, черная сутана, точно такая же, как у всех священнослужителей на этом острове, но сам он не служил Господу, он и здесь, в этом тропическом захолустье, был никем. Он выбрался из тюрьмы, но не смог выбраться из своей кожи. Он был всюду сторонним наблюдателем. И даже мог назвать причины. В одиночестве была своя прелесть. Оно было надежно и безопасно. Он всегда мог делать то, что хотел, и так, как хотел. Он исполнял только свои прихоти и капризы. Выжить в одиночку было гораздо легче. Он рано понял, что если бы даже ему вздумалось жить по правилам, то многие все равно бы думали, что он этого делать не станет.

В тюрьме он успел забыть, как одинок. Сейчас, оглядываясь вокруг, он вдруг осознал, что опять оказался аутсайдером и вынужден будет довольствоваться долей изгнанника.

Хэнк бросил кожуру банана, легко примирившись с судьбой и в любом случае предпочитая свободу.

Смешавшись с толпой, он мог легко осмотреть причалы в порту. Там стояло пять судов. Собак не было. Он только два-

жды слышал лай ищеек. Первый раз – почти сразу после побега, а затем – после того, как шел уже полдня. Тогда он перебирался через каменный горбатый мостик, соединявший северную и южную оконечности острова. Первый раз, когда он слышал шедших по его следу собак, он измазался речной грязью с ног до головы, чтобы перебить свой запах. В следующий раз он использовал перец, который ему удалось стянуть в деревне. Он знал свое слабое место. Он никогда не был способен быстро бегать. Но, когда он перешел пролив под мостом, он понял, что обгоняет преследователей минимум на два часа.

В порту, по всей видимости, два судна стояли под парами: деревянный новенький клипер под названием «Амели» и приземистый небольшой пароход. Он был маленький, всего в одну десятую длины настоящего океанского лайнера. Это судно служило одновременно и почтовым, и грузовым, и пассажирским, курсируя между мелкими островами в южных морях. Его названия не было видно из-за горы ящиков и деревянных клеток с козами. Любопытный человек, который провел бы четыре года в такой вонючей французской дыре, как «Ворота прокаженных», ни минуты бы не сомневался, какое судно выбрать. Хэнк доел банан и пошел к пароходу. Он медленно шел по направлению к трапу, зорко наблюдая за матросом, который отвечал за погрузку.

Во-первых, можно было пробраться на судно тайком. Он осмотрел причал и лебедки, которые поднимали на борт

ящики, и взвесил свои шансы.

Да, это будет непросто. Он потер подбородок рукой. Щетина уже грозила превратиться в бороду. Обдумав в очередной раз ситуацию, он вдруг вспомнил слова одного из своих бывших товарищей, похвалившего его живой ум. Да и правда, он всегда отличался сообразительностью. Авось и сейчас как-нибудь вывернется. Хэнк надеялся, что изобретет какую-нибудь отговорку и, когда очутится на борту, просто спрячется где-нибудь. Он потратил некоторое время, присматриваясь к тому, что говорит и как себя ведет вахтенный матрос.

Толпа неожиданно надвинулась на него. Совсем рядом что-то происходило. Хэнк застыл на месте, почти ожидая, что сейчас ему в спину ткнется ствол французского ружья.

– Дайте мне пройти, пожалуйста! Это мой корабль! – раздался нежный женский голос, судя по всему, принадлежащий американке. Он обернулся: толпа колыхалась, все толкались, неожиданно раздался резкий вскрик, и ему в руки как манна с небес упала высокая блондинка.

«О-о-о! День удач!»

Она схватилась за его сутану, чтобы сохранить равновесие. Хэнк удержал ее, обхватив обеими руками за талию. Она была высокого роста, ее нос оказался где-то на уровне его подбородка, так что перья ее коричневой шляпки тыкали его прямо в лицо. И тут его ноздри почувствовали запах женщины. Он наслаждался им какое-то мгновение, не смея пове-

рить себе. Прошли буквально годы с тех пор, как Хэнк стал-квивался с чем-то похожим. Она выпустила из рук край его одежды и взглянула на него. Божественное лицо! Оно не может принадлежать земной женщине. У Хэнка перехватило дыхание.

Хэнк посмотрел на причал и на все еще не погруженные ящики, на легкий дымок из трубы и сказал:

– У вас еще есть время.

– Правда? – казалось, она немного пришла в себя. Улыбнувшись, она, видимо, решила объяснить свой запыхавшийся вид: – Я не часто отправляюсь в подобные путешествия.

«Приди к папочке, дорогая. Я возьму тебя с собой в такое путешествие...»

Тут она посмотрела на его руки: он все еще держал ее за талию. Она снова посмотрела ему прямо в глаза с обезоруживающей прямоотой. Он тут же отпустил ее, дотронулся до полей своей шляпы, благословляя ее, и она снова улыбнулась. Молоты в его голове застучали сильнее.

Она хотела уйти, а Хэнк по старой привычке намеревался шлепнуть ее и уже было занес руку, как вдруг она, шелкнув пальцами от досады, поспешно повернулась к нему и, схватив за поднятую руку, с силой пожала ее и сказала:

– Ох, чуть не забыла. Благодарю вас, отец мой.

Хэнк, едва успев подавить стон, с недоумением воззрился на свою правую руку, затем – на высокую фигуру, поднимавшуюся по трапу. Посередине она остановилась, помахала и

продолжила свой путь.

– Мир да пребудет с вами! – крикнул ей вслед Хэнк и, задержавшись взглядом на ее крутых аппетитных бедрах, выругался про себя: «Какой, к черту, тут мир!» Даже после того, как девушка исчезла из виду, он стоял и думал, что под этой юбкой скрыты, должно быть, самые прелестные и длинные ножки в мире! Он тряхнул головой, отбрасывая несвоевременные мысли, и присвистнул. Вскоре кто-то в толпе толкнул его локтем, и Хэнк окончательно пришел в себя. Он стал осматриваться.

Никаких собак, никаких охранников, никаких полицейских. Только толпа.

Он усмехнулся и решительно пошел к вахтенному с самым невинным видом, который только мог на себя напустить. В руке он держал маленький кожаный кошелек, который вытащил из ее сумочки. Хэнк приблизился к матросу и сказал:

– Молодая женщина, которая только что поднялась на борт, выронила вот это.

Вахтенный, не слушая, закивал головой, быстро взглянув на кошелек.

– Да-да, ваше преподобие. – Затем махнул рукой: – Вы можете подняться и поискать ее.

Хэнк пошел по трапу, упиваясь охватившим его ощущением и насвистывая «Аве Мария» на весьма фривольный мотив. На палубе он отдал кошелек стюарду, подождал,

пока тот не исчезнет в проходе, а затем небрежно пошел вдоль борта к корме. Поднявшись по трапу, Хэнк очутился на верхней палубе около спасательных шлюпок. Осторожно оглядываясь, отстегнул парусину одной из них. Команда была занята приготовлениями к отходу. С быстротой молнии он забрался под парусину и застегнул ее за собой.

Внутри шлюпки Хэнк обнаружил спасательные жилеты и клеенчатые костюмы, завернутые в дополнительный кусок парусины. Жестяной ящик с припасами, фонарь и бочонок с водой были укрыты в носу шлюпки. Он поспешно открыл банку с тушенкой и быстро проглотил содержимое, затем доел все украденные бананы и галеты и запил это водой. Да, надо признаться, что накануне у него был ужин получше, хоть и состоял из хлеба и сыра, которые он стащил в деревенской лавке. А все почему? Должно быть, запивать украденным пивом его организму не в пример полезнее, чем водой.

Он взял несколько жилетов, надул их и устроил себе отличную подушку, затем достал несколько одеял, парусину и устроил ложе. В это время он почувствовал, что пароход отчаливает. Вскоре судно уже медленно-медленно качалось на волнах, удаляясь от острова.

Хэнк глубоко вздохнул. Похоже, это был его первый по-настоящему глубокий вдох с тех пор, как он убежал. Еще один глоток свободы, и он снова представил себе побег и мучительную изоляцию последних четырех лет. Боже, Боже! Он провел рукой по лицу и откинулся на свое импровизиро-

ванное ложе. Хэнк лежал и просто глубоко дышал. Дышал полной грудью соленым морским воздухом. Он не был похож на спертый воздух камеры. Хэнк закрыл глаза, и только через какое-то время каждый мускул его тела расслабился. Его время снова принадлежало ему одному. И ночи тоже. Больше он не будет ходить в бары, ну разве в те, где подают холодное-прехолодное пиво с толстушками бифштексами. Никаких цепей. Больше он не будет махать кайлом в карьере. Больше не будет душной камеры, где нормальный сон невозможен. Так много лет он делал вид, что спал! Теперь он может спать, когда хочет. Первый раз за все эти годы он почувствовал, что жизнь предоставила ему туза.

Глава 3

Однако уже в полночь Хэнк понял, что, напротив, ему выпала двойка. Судно все время зарывалось носом, видимо, чего-то не поделило с морем. Хэнку приходилось, отчаянно ругаясь, ежеминутно хвататься за борт шлюпки. После бесконечного часа отвратительной погоды ветер вдруг перестал завывать так же неожиданно, как и начал. Он лежал на дне шлюпки и прислушивался. Команда, кажется, всю готовилась к еще более сильному шторму. Все свободные матросы крепили все, что можно, к палубе, обмениваясь при этом солеными шуточками, скорее всего пытаясь таким образом скрыть страх. Скоро все затихло, и Хэнк закрыл глаза. Он проснулся, словно от толчка. Резко поднявшись, Хэнк покрутил головой, освобождаясь от кошмара, и постарался прийти в себя. Наконец он все вспомнил. Вспомнил, где находится, и прислушался. Все его чувства были обострены, точь-в-точь как в тюрьме. Вроде бы ничего не происходило. Он не смог бы сказать, сколько времени проспал. Может быть, несколько минут, но могло пройти и несколько часов. Хэнк откинулся на подушки, руки были холодными и липкими, пульс неровным. Воздух был тих и неподвижен. Абсолютно. Он снова почувствовал такое же напряжение, как в заключении. Тут тишину разорвал ужасающий, оглушительный звук. Весь пароход качнулся. Хэнк выругался. Он слы-

шал однажды такой звук. Так было, когда взорвался паровой двигатель.

Нос судна резко задрался вверх, на какое-то жуткое мгновение застыл, затем корпус снова шлепнулся в воду. Хэнка в это время прижало к днищу шлюпки. Затем последовал чрезвычайной силы грохот, как будто в недрах корабля что-то передвинулось, судно тут же накренилось.

Он услышал крики команды и понял, что груз в трюме на самом деле съехал на один борт и пароход потерял равновесие. Хэнк услышал и шум воды. Похоже, она хлынула в трюм. Он отодвинул парусину. Судно снова накренилось. Слишком внезапно шлюпка, в которой находился Хэнк, соскочила со своих лебедок и полетела вверх, затем – вниз. Хэнк выругался и инстинктивно свернулся в клубок. Шлюпка шлепнулась в воду, упав, к счастью, в вертикальном положении. Хэнка бы выбросило, разумеется, если бы не парусина, закрывавшая верх лодки. Он отстегнул ее и сел на сиденье, затем взглянул на пароход. Ночное небо было освещено заревом пожара. Отдельные языки пламени взлетали вверх, как ракеты. На месте двигателя было сплошное море огня. Вода попадала теперь в трюм со всех сторон.

Шлюпка Хэнка покачивалась среди бочек и ящиков, упавших с палубы. Хэнк надел один из своих спасательных жилетов. Тут сквозь шум и завывание пожара он услышал крики о помощи. Он посмотрел наверх. Люди кричали, пытаясь спастись от падающих отовсюду обломков. В этот момент он

увидел ее. Ту самую блондинку. Она стояла на той части палубы, которая еще была цела, уцепившись за остатки поручней. Справа от нее пылало, слева было несколько метров палубы и больше ничего.

Хэнк схватил еще один спасательный жилет и нырнул в море. Буквально через секунду он плыл к ней. Вода вокруг него была оранжевой: отражала бушевавшее пламя. Он чувствовал запах огня, масла и угля.

Пароход заскрежетал, застонал и погрузился еще глубже. Хэнку оставалось плыть метров тридцать, когда судно накренилось над водой под углом в сорок пять градусов.

На женщине было надето черное пальто, она стояла одной ногой на нижней перекладине поручней, рукой судорожно вцепилась в стальную верхнюю перекладину, пытаясь избежать падения в море. Когда Хэнк подплыл настолько близко, что уже мог кричать, судно накренилось еще сильнее, теперь главная палуба и поручни были в пяти метрах от поверхности воды.

– Прыгай! – проревел Хэнк, колотя по воде рукой со спасательным жилетом.

Она быстро повернула голову.

– Прыгай!

– Не могу! – завопила она.

– Женщина, прыгай!

Она снова покачала головой.

Вдруг рядом с ней что-то взорвалось, она испуганно

вздрыгнула, и тогда он увидел детей. Два маленьких, объятых ужасом создания цеплялись за ее юбки. Она посмотрела на него и прокричала:

– Ребенок!

Тут Хэнк понял, что сквозь весь этот безумный шум он слышал, как скулил маленький ребенок. Выругавшись от всего сердца, он стал оглядываться в поисках какого-нибудь подручного средства. К счастью, по волнам, поблизости плавал жестяной бак для мусора. Хэнк подтащил его. Теперь уже их разделяло всего метра четыре.

– Бросай его! – закричал он.

Она, будто остолбенев, смотрела вниз, видимо, не в силах решиться.

– Бросай ребенка, я поймаю!

Она развернула ребенка. Ему было на вид года полтора.

Она наклонилась над водой, держа плачущее дитя за ручки, как бы пытаясь уменьшить высоту, с которой должна была его бросить.

Наконец она его отпустила. Ребенок упал очень удачно, прямо в руки Хэнка, он сразу же посадил его в бак, который стал придерживать рукой, чтобы вода не попала внутрь. Бак, к несчастью, усиливал плач и крики ребенка, теперь они были такими громкими, что у Хэнка прямо-таки зубы сводило.

– Брось мне спасательный круг! – проревел Хэнк. Она услышала, наклонилась и стала отвязывать его. Секундой позже круг упал на воду рядом.

– Теперь прыгайте! – закричал Хэнк.

Она быстро подвела детей к тому месту, где уже не было поручней. На какой-то миг они остановились. Огонь бушевал сзади них, и Хэнк видел только их черные силуэты на фоне оранжево-синей стены пламени, которое готово было их поглотить.

– Прыгайте! – в который раз крикнул Хэнк.

Она прыгнула, потащив детей за собой. Все вместе они погрузились в воду в двух метрах от него.

«Ну же, ну же, давайте!»

Ее голова показалась на поверхности воды, и рядом выпрыгнули дети. Старшая девочка сразу завопила, что не умеет плавать, и зарыдала, барахтаясь в черной воде. Свободной рукой Хэнк схватил ближайшего ребенка – им оказался маленький мальчик, который тоже начинал плакать.

– Держись за шею!

Парень сразу успокоился и сделал, что ему было приказано.

Девчонка, рыдая, обхватила женщину, мешая той справиться с волнами. Кроме того, пальто тянуло ее вниз. Хэнк протянул ей жилет, велел снять пальто. Она попыталась надеть жилет на бьющуюся в истерике девочку, но ничего не вышло.

– Надень на себя! – возмутился он.

– Я умею плавать, а она – нет! – отвечала женщина, отчаянно пытаясь держаться на воде.

– Надень жилет и держи ее, – закричал он и проверил, как держится за него мальчик. – Ты сможешь удержать ее голову на воде?

Блондинка сделала знак, что может, освободилась от пальто и сделала все точно так, как он сказал.

– Возьми круг.

Застегнув жилет, она оглянулась, нашла круг и приблизила руки девочки к нему. Та перестала сопротивляться, положила на него голову, продолжая, однако, рыдать. Женщина стала ей что-то тихо и спокойно говорить, видимо, пытаясь утешить.

– Вы в порядке?

Блондинка посмотрела на него и кивнула головой.

– Я скоро вернусь. – Хэнк взял жестяной бак и поплыл вперед, толкая его перед собой. Мальчишка схватил его за шею мертвой хваткой. Но, к счастью, на Хэнке был спасательный пояс, а бак плыл сам по себе, и они продвигались вперед. Малютка в баке плакал изо всех сил, стало быть, с ним все в порядке, пока воеет – живет. А вот пассажир на спине был что-то уж слишком спокоен.

– Парень, как ты там? Держишься?

– Да, сэр. – Но слова эти прозвучали как рыдание. Еще несколько взмахов, и Хэнк спросил:

– Как тебя зовут?

– Теодор.

Но прежде чем Хэнк успел ответить, бак стукнулся о

шлюпку, и маленький снова заревел.

Хэнк поднял бак, поставил его в лодку, затем посадил туда же мальчика, велел ему ждать, взял еще один надутый жилет и поплыл обратно. Женщина и девочка, продолжавшая плавать, плавали, схватившись за круг.

– Заткнись, или я сам тебя утоплю! – прикрикнул Хэнк, еле оторвав руки девочки от круга, чтобы надеть на нее жилет. Застегивая его на все крючки, он посмотрел на блондинку.

– В порядке?

– Да.

Он видел, что женщина напугана, но она держит себя в руках. Пригрозив девочке еще раз три, он таки добился, чтобы она замолчала, перевернул ее на спину и потащил за собой. Обернувшись к блондинке, он указал ей на лодку:

– Поплыли туда!

– Я вижу шлюпку.

Пока они добирались, Хэнк ежеминутно оглядывался и видел, что она плыла все время рядом с ним. У нее был еще запас сил, быть может, объяснявшийся отчаянием: «Умру, но не сдамся!» Он и сам долго жил с этим девизом. Наконец они очутились около шлюпки.

Он посадил туда девочку, затем женщину. Вздохнув, Хэнк внимательно огляделся, пытаясь обнаружить еще кого-нибудь. Повсюду плавали только какие-то бочки, обломки ящиков, куски груза и оснастки, людей нигде не было вид-

но. Хэнк снова посмотрел на корабль. Вдалеке он различил еще одну лодку и пытавшихся сесть в нее людей. На палубе то тут, то там видны были фигуры моряков, они продолжали свои попытки спасти судно.

«Вот и дураки!» – подумал Хэнк, чертыхнулся и, схватившись за борт, сказал блондинке:

– Я должен вернуться.

За его спиной раздался скрежет, почти стон корабля.

– Подожди! – Она схватила его за руки.

Он проследил за ее полными ужаса глазами.

Дымовые трубы рухнули вниз, сокрушая остатки горячей палубы и увлекая в ужасный водоворот другую шлюпку. Раздались крики, и в минуту все было кончено. Почти одновременно корабль с грохотом раскололся надвое. Они были единственными выжившими, и вот они сидели и молча смотрели на оранжево-синие языки пламени на фоне черного неба.

Судно, видимо, в последний раз закрипело, нос его задрался, затем стал уходить под воду медленно, со зловещим шелестом, сопровождавшим его погружение, шипением, когда вода гасила бушевавший огонь. Последними под водой исчезли буквы на носу судна, составлявшие его название: «Двойка».

Шлюпка потихоньку дрейфовала по темному и спокойному морю. Хэнк зажег с помощью безопасной спички маленький фонарь. Это была одна из тех современных ламп, кото-

рые при ровном давлении могут работать даже в шторм. Однажды Хэнк видел, как люди ловили рыбу с по – мощью такого освещения.

– Меня зовут Маргарет Хантингтон Смит.

«Ах вот оно что! У нас три имени».

Он молча поднял фонарь и воззрился на блондинку. Мокрая с головы до ног, она тем не менее выглядела чудесно. Просто красавица! Пожалуй, теперь особенно. Можно было любоваться ее телом сквозь мокрую одежду. Однако все свежие идеи, с которыми он носился, глядя на мадам Смитти, испарились, когда дети уцепились за нее на судне. Он переводил взгляд с нее на детей. Все сидели, нахохлившись и завернувшись в сухие одеяла и парусину. Малютку она тоже держала на коленях в сухом одеяле. Фонарь отбрасывал янтарный свет на обращенные к нему лица. На всех было написано трогательное ожидание.

Он даже отвернулся и посмотрел на окружавшее его черное море и ночное небо. Правда, он, естественно, ничего не увидел, кроме кромешной тьмы, как будто судьба бросила их, чтобы посмотреть, смогут ли они выжить. Он-то знал, как выживать. Черт, он только этим и занимался всю жизнь. Да, он сумеет позаботиться о себе. Но женщина! Да еще трое детей! Они никак не вписывались.

– Отец мой?.. – Она ждала, что он как-то представится, и смотрела на него в упор.

Хэнк мысленно выругался. Он совсем забыл про сутану и

шляпу священника. Он срочно сделал вид, что возится с фонарем и не слышит. Она чуть-чуть подождала, затем взглянула на море.

– Когда я уезжала, то думала, что это будут каникулы, праздник, – сказала она задумчиво, как будто рассуждая вслух.

Хэнк резко хохотнул:

– Полагаю, можно и про меня так сказать, что у меня здесь были каникулы.

Она снова посмотрела на небо, затем на детей. У нее был какой-то потерянный вид, когда она смотрела на детей.

На днище шлюпки он нашел небольшую мачту и стал ее устанавливать. Несколько минут повозившись с такелажем, он спросил, показав на детей:

– Где их отец?

– Умер, – с горечью ответила маленькая девочка.

Хэнк внимательно посмотрел на нее. Она, не опуская взгляд, уставилась на него.

– Сколько тебе лет, малютка?

– Я – Лидия, и совсем не маленькая, – сказала она, упрямо вздернув подбородок. – Мне – одиннадцать. – Она натянула одеяло повыше. Она была рассержена, вся покраснелась и, отведя глаза в сторону, сказала: – Наша мама тоже умерла. Все умерли.

Итак, их мать тоже умерла. Хэнк взглянул на мисс Смитти, которая чудесным образом снова превратилась в чудес-

ную добычу.

– Их родители погибли случайно. – Она обхватила детей за плечи. – Их везли в приют на остров Кука. Мы подружились во время этого путешествия. – Она снова остановилась, затем продолжила, глядя на море: – Женщина, которая сопровождала их и которой поручили их доставить, тоже погибла. Она была в каюте недалеко от моей, но не сумела выйти, а я... я добралась до детей, но... – Голос ее упал, а девочка опять стала плакать. Женщина повернулась к ней и крепко обняла. – Мне так жаль, Лидия. Не сдерживайся. Плачь. Это тебе необходимо.

Хэнк отвел глаза в сторону. Вряд ли стоило говорить это Лидии. Она и так ничем другим больше не занималась.

Маленький мальчик, напротив, сидел совершенно тихо и только смотрел на Хэнка широко распахнутыми и любопытными глазами. Что-то щемяще-тоскливое было в этом взгляде. Странная смесь невинности и осторожности, как у человека, которого били без причины. Хэнк понимал, что парень уже начал вкушать горькие плоды познания жизни. Сам он был еще младше, когда ему на руки упала первая неудачная взятка. Он прекрасно помнил то горькое чувство смущения и растерянности. Он снова взглянул на мальчика.

– Ну что, паренек, поможешь мне?

Ребенок кивнул.

– Меня зовут Теодор.

– Я помню. – Хэнк указал ему на сиденье напротив. – Иди

сюда.

Теодор с серьезным видом освободился от одеяла и сел, где ему было указано.

– Сколько тебе лет?

– Пять, – сказал он, но быстро добавил, показав пальцем на сверток на коленях женщины: – Но я не младенец. Это Аннабель еще не исполнилось двух.

Хэнк вручил ему два конца:

– Сначала поддержи их вот так...

– Ваше преподобие?

Хэнк взглянул на блондинку. Она все еще успокаивала Лидию.

– Может быть, вы помолитесь за них? – предложила она.

Он застыл на месте.

– За всех, кто погиб.

Хэнк помедлил, достал четки из кармана и преклонил колени. Затем помахал ими в воздухе, как будто крестил волны.

– Да упокоятся они с миром. – И, положив четки обратно в карман, проговорил, глядя в океан: – Аминь.

– Аминь, – повторила и она, а затем прошептала: – Благодарю вас.

Где-то глубоко в душе Хэнка шевельнулось что-то похожее на раскаяние. Но нет, просто он слишком быстро съел бананы. Вот в чем все дело. Он никогда не будет чувствовать никакой вины ни перед кем. Не был и не будет ни в чем ви-

новат. Его слова уже не принесут погибшим никакой пользы. Даже если бы здесь был настоящий поп. Никто не вернет их назад.

Он отвернулся, приладил маленький парус и стал показывать Теодору, как им управлять. Смитти тихонько разговаривала с Лидией и играла пальчиками Аннабель. Вдруг она резко подняла голову:

– Что это было?

– А что такое? – Он как раз вязал один конец.

– Этот шум. Вот он снова. Послушайте.

Снова раздался тот же громкий звук, и он закрутил головой.

– Вот там! – Она показала на северо-восток. – В воде, там!

Дети вскочили и стали смотреть туда, куда она показывала.

– Это коза! – Голос Теодора зазвенел от возбуждения.

Там, в воде, плавала коза, одна из тех, что грузили на пароход – теперь уже казалось, что это было так давно.

Голова животного то появлялась, то исчезала в волнах, изредка доносилось жалобное блеяние.

– Вот она! – Смитти повернулась к нему. – Давайте подплывем к ней.

Он нахмурился:

– Зачем это?

– Как зачем? Чтобы спасти бедняжку.

– Смотрите! Смотрите! – Теодор нагигбался из лодки к са-

мой воде.

Хэнк схватил его за штаны, чтобы мальчишка не вывалился из шлюпки.

– Она тонет. – Он оглянулся на Хэнка. – Спасем ее! Скорее!

Все трое смотрели на него и ждали. Тут неожиданно крошка Аннабель подняла головку из одеяла, выглянула и тоже уставилась на Хэнка.

– Спасти?

Все кивнули.

Всячески обзывая себя, Хэнк, достал весла и уже через минуту греб в сторону животного, раздумывая о вероятности спасения в южных морях, да еще с козой на борту.

Сам процесс занял у него пять минут. За это время испуганная коза успела лягнуть его пару-тройку раз в самые нежные места. Затем Хэнк закрепил весла вдоль днища, уселся на сиденье и снова стал ставить парус.

– О, какая удача! – сказала Смитти с весьма довольным видом. Не дождавшись ответа, она продолжила свою мысль: – Как хорошо! Теперь будет молоко детям.

Хэнк что-то пробурчал в ответ и занялся креплением паруса, остальные суетились над глупым животным.

– Передай мне компас. Он за тобой в ящике с припасами вместе со спичками и едой.

Смитти повернулась и стала перебирать содержимое ящика. Судьба опять обрекла его на, можно сказать, заключение.

После того как он отсидел во французской яме четыре года, неожиданно он вновь осужден отбывать срок. На этот раз в спасательной шлюпке рядом с роскошной женщиной, которая считает его священнослужителем. Черт возьми, ему придется и дальше притворяться, лучше пусть она продолжает так думать о нем. Кроме того, в шлюпку для разнообразия посадили трех сирот и шумную козу. И теперь они дрейфуют в этой веселой компании где-то в южных морях!

«Жизнь прекрасна, не так ли?»

Смитти передала ему компас. Он ничего не сказал, просто встал, повернулся к ним спиной, поставил одну ногу на сиденье, затем нагнулся за концом веревки.

– Берегись! – вдруг истошно закричала Смитти.

Но Хэнк слишком поздно сообразил, что это относится к нему.

Коза боднула его. Очень сильно.

Компас вылетел у него из рук, а Хэнк спланировал вслед за ним.

Хэнк не просто выругался. Он употребил все самые худшие слова из своего богатого лексикона. Он сказал их очень громко. Очень отчетливо.

Компас ушел под воду первым, Хэнк – вторым. Когда он вынырнул, он был готов разорвать козу на кусочки. Пока он плыл к лодке, коза представлялась ему распятой на парусе. Пока он подтягивался на борт, воздух сотрясали самые отборные ругательства.

Дети пригнулись к сиденью, глаза и рты их были широко раскрыты. Смитти прижимала крошку Аннабель к самому сердцу, когда Хэнк выплевывал последние проклятия, отряхивая воду.

Хэнк схватил за рога козу, которая с самым невинным видом жевала банановую кожуру.

– Юп-юп-юп! – вдруг сказала Аннабель, откинув одеяло, и широко заулыбалась. – Юп! Юп! Юп! Демо! – Все присутствующие уставились на ребенка, который был невероятно доволен собой. Захлопав в ладоши, малютка возвестила им: – Хукоза!

Молчание, последовавшее за этим сообщением, длилось около минуты.

– Изысканный язык, отец мой, – сказала Смитти, подчеркнув последние слова.

Он посмотрел ей в лицо и с трудом удержался от следующего изысканного выражения. Смитти уставилась на него, прищурив глаза.

– Кто же вы все-таки такой?

Глава 4

Нет, он не священник.

Маргарет сидела, изучая его лицо и пытаясь найти какой-нибудь ключ к разгадке. Кто же он такой? То, что она видела на этом лице, ее мало утешало. «Сейчас он мне солжет». Она первая нарушила затянувшееся молчание:

– Я полагаю, вам есть что скрывать.

Он рассмеялся очень громко и весьма цинично, затем опустил на сиденье напротив нее и стал смотреть на нее твердым, непроницаемым взглядом. Она никак не могла понять, что за этим стоит.

Она подождала немного.

Он тоже подождал.

– Кто вы?

– Я – тот человек, который спас вас и этих детей.

Она ни на секунду не опускала глаз. Этому приему ее научил отец. «Смотри людям прямо в глаза, моя девочка. Ты будешь удивляться тому, сколько ты сможешь узнать». Она помедлила, но в конце концов поняла, что в глазах этого человека ей вряд ли удастся что-либо прочитать.

Ни один из заученных способов не годился. Ему было совершенно все равно, молчит она или говорит. Большинство людей обычно не выносят пауз и неловкого молчания.

Все пытаются заполнить их так или иначе.

– Я задала вопрос.

Он все равно ничего не ответил, и казалось, тут ничего не сработает.

Она опять попыталась изменить тактику.

– Получается, что я просто должна принять тот факт, что нахожусь в обществе человека в чужом облике, и должна ему безоговорочно доверить свою жизнь и жизнь детей?

– Безоговорочное доверие? – Он облокотился о борт лодки. Рот его изогнулся в насмешливой гримасе. – А что?

– Я хочу услышать ответ.

– Да, – быстро вымолвил Хэнк.

– Что «да»?

– Да, – невозмутимо продолжал он, – вы можете мне безоговорочно довериться.

– Я хочу услышать ответ на другой вопрос.

– Ну, дорогая, придется тебе смириться с тем, что это единственный ответ, который ты получишь. – С этими словами он положил ноги на сиденье прямо перед ней, скрестив лодыжки, и бросил на нее надменный взгляд.

Поневоле Маргарет уставилась на них и сразу же заметила, что повыше щиколотки на каждой ноге есть светлая полоска незагорелой кожи, резко выделявшаяся на фоне загара. Она подняла голову и перехватила его взгляд, также устремленный вниз, на ноги. Он слегка прищурился, не выказав, однако, ни малейшего смущения и не подав вида, будто что-то произошло. Она надеялась, что теперь он как-то

откликнется, но он промолчал. Впрочем, надменности стало чуть-чуть меньше.

– Ножные кандалы, – сказала она, упорно добиваясь ответа.

Хэнк только взглянул на нее.

– Вы из той французской тюрьмы, о которой я слышала от команды перед тем, как мы пришвартовались у острова Дольфин.

Он ничего не сказал.

– Полагаю, раз вы одеты как священник, вас не отпустили оттуда. На судне говорили, что оттуда никто живым не уходил.

Он вдруг засмеялся, как если бы она отлично пошутила:

– А я живым не ушел.

Маргарет нахмурилась, решив ни за что не опускать глаз.

– Они думали, что я умер.

– Но вы не умерли.

– Нет, и, поскольку вы спокойно сидите в лодке, а не плаваете среди обломков, являя собой добычу для акул, вы должны радоваться, что я таки жив.

Она догадывалась, что он хочет рассердить ее, или испугать, или то и другое вместе, но Маргарет не собиралась уступать. Несмотря на то что он был переодет, несмотря на его горькие слова и непроницаемый вид, именно он спас их. Нелегко было предположить, что он спас их, чтобы теперь утопить, поэтому она очень спокойно возобновила разговор:

– Долго вы там пробыли?

– Слишком долго.

– Почему вас туда посадили?

– Не нашли места получше.

Она попыталась подойти с другого конца:

– А что вы сделали?

Он, как и следовало ожидать, промолчал.

– Вы не собираетесь отвечать, – сказала она.

Он только бросил на нее ледяной взгляд.

– Учитывая обстоятельства, в которых мы оказались, –

Маргарет широким жестом указала на маленькую шляпку и бескрайний океан, – я была бы премного благодарна, если бы получила-таки ответ.

– Ну а как я был бы благодарен, если бы у меня был миллион долларов, кусок хорошего мяса на обед да вагон пива в придачу, но почему-то мне сдается, что я получу все это не раньше, чем отвечу на все ваши вопросы.

Она потрясла головой, как бы отбрасывая его слова.

– Не понимаю, почему вы не хотите сказать. Чем я могу вам навредить? Сдать вас? Уведомить власти? – Она опять взглянула на море. – Едва ли.

– Мне глубоко наплевать. – Глаза его сузились, и, не глядя на нее, Хэнк решительно сказал: – Я обратно не вернусь.

– Теперь, раз вы совершили побег, вас ждет еще более строгое наказание. Быть может, легче было бы дожидаться конца срока.

Он посмотрел на нее исподлобья, медленно кивнул и произнес почти по буквам, спокойно и задумчиво:

– Легче. – Затем уставился на черную воду и замолчал.

Море покачивало лодку. Волны мягко тыкались в борт.

Хэнк повернулся к ней:

– Итак, Маргарет, как тебя там. Смит, откуда ты?

– Из Сан-Франциско.

Казалось, он смотрит не на нее, а сквозь нее.

– Я был в Сан-Франциско. Хорошее место.

– Мне тоже нравится.

– Вы с Ноб-Хилл? Верно?

– Рашн-Хилл.

– Почти угадал. Прекрасная погода. Великолепный город.

Да, забыл, как там звучал девиз железных дорог Калифорнии?

– «Совершим золотое путешествие в золотой штат, землю обетованную».

– Да, именно так. Землю обетованную, – повторил он. – Много еды, много воды.

Он избегал теперь смотреть ей в глаза, выпрямился на сиденье с настороженным и еще более напряженным, чем раньше, видом. Через некоторое время, положив локти на колени, он вдруг приблизил к ней свое лицо.

– Значит, по-твоему, легче было бы отсидеть?

Было совершенно очевидно, что ответа ему не требовалось. Кажется, он рассердился. Лицо его пылало гневом.

– Ты, телка из Сан-Франциско, – он окинул ее взглядом с головы до ног, – тридцати лет от роду...

– Тридцати двух.

– ... С Рашн-Хилл, думаешь, ты знаешь, что такое тюрьма?

– Я не это имела в виду.

– Посмотрел бы я, сколько времени ты смогла бы вытерпеть кандалы.

Голос его был спокоен, но под его тяжелым взглядом ей стало не по себе.

– Да была ли ты хоть когда-нибудь голодна? Неужели было в твоей жизни время, когда у тебя не было воды или еды несколько дней?

Лицо Хэнка было так близко, что Маргарет даже не решилась ничего ответить. Голос его звенел от напряжения.

– Неужели ты, Маргарет, как тебя там, Смит, была когда-нибудь заперта в вонючей темной камере и боялась заснуть больше, чем на несколько минут? Ты даже не представляешь себе, что может грозить человеку в тюрьме.

Лидия, видимо, испугавшись, придвинулась ближе к Маргарет, которая инстинктивно опустила на нее глаза.

Хэнк тут же выбросил руку вперед, взял ее за подбородок и заставил смотреть на себя.

– Ну что, представляешь? – Он помолчал, было видно, как сильно он разгневан. – Вряд ли.

Лидия заплакала. Хэнк убрал руку и отодвинулся. Мрачно посмотрев на девочку, он перевел взгляд на Теодора. Дети

придвинулись к Маргарет.

– Если бы мы вдруг поменялись местами и ты стала бы Хэнком Уайаттом, – при этих словах он ткнул себя пальцем в грудь, – вынесла бы то, что пережил я, тогда бы я, может, и послушал бы тебя, что легче, а что тяжелее.

– Вы пугаете детей.

Хэнк саркастически усмехнулся:

– Им лучше сейчас узнать, что им предстоит, какая тяжелая жизнь их ожидает.

– Они только дети.

– Они – сироты, – сказал он холодно. – Приют, в котором я вырос, был не лучше тюрьмы.

– Вы жестокий человек.

– Жизнь жестока и горька. Они могут получить этот урок с таким же успехом сейчас, пока молоды. Никто не будет заботиться о них. Поверь мне, я это испытал. Им лучше побыстрее вырасти.

Маргарет взглянула на побледневших детей, затем снова на него.

– Почему вы спасли нас?

– Не спрашивай меня.

– Почему?

– Потому, что я могу сказать тебе правду.

– Но...

– Доверься мне, милочка, ты не обрадуешься, если узнаешь. Ты займись детьми, и хватит с тебя. – Он снова обратился

все свое внимание на крепление паруса и повернулся к ней спиной.

Теодор встал со своего места, слегка покачнувшись, и сказал немного охрипшим от волнения голосом:

– Мистер Уайатт!

Хэнк что-то пробормотал.

– Мистер Уайатт...

Наконец он обернулся:

– Можешь звать меня просто Хэнк.

Теодор кивнул, его маленькое лицо было серьезным.

– Вы сказали, что я должен вырасти как можно скорее, потому что я – сирота.

Маргарет прикрыла рот рукой, каторжник ничего не ответил, а Теодор набрал в грудь воздуха и сказал очень серьезно:

– Спасибо за то, что вы нас спасли.

Не в состоянии шевельнуть и пальцем, Маргарет сидела, наблюдая за стараниями Теодора быть храбрым, когда он стоял перед этим непроницаемым человеком, возвышавшимся над ним.

Мужчина с удивлением смотрел на малыша, который протягивал ему руку. Она затаила дыхание, испугавшись того, что бывший заключенный по имени Хэнк что-нибудь скажет или сделает этому ребенку, который, и так уже видел много горя и страданий. Она было потянулась, чтобы удержать его, но в это время увидела, что детская ручка утонула в огромной загорелой руке. Маргарет с облегчением выдох-

нула, только тут осознав, что сдерживалась. Сейчас в облике осужденного не было заносчивости и жестокого вызова.

– Все в порядке, парень. – Он пожал плечами и взглянул Маргарет в глаза поверх головы Теодора. Его глаза, как и раньше, ничего не выражали, и она не могла догадаться, о чем он думает. Но она почувствовала его внутреннее напряжение, он что-то явно хотел сказать.

Хэнк выпустил руку Теодора, мальчик отошел на шаг и сел рядом с Лидией. Они начали о чем-то шептаться. Довязав концы, Хэнк потянулся и, скрестив ноги на сиденье, посмотрел на детей, потом на нее – казалось, он о чем-то хотел ее предупредить. Помолчав немного, она спокойно сказала:

– Спасибо.

Они оба точно знали, за что она его благодарит.

– Не суетись напрасно, милочка. Я сделал то, что сделал, потому что сделал.

Он резко надвинул шляпу на глаза и лег, скрестив руки на груди.

– О, теперь понятно, – сказала она лукаво прямо в черную шляпу.

Указательным пальцем сбив шляпу на затылок, Хэнк посмотрел на Маргарет так, как будто выругался.

Она в ответ ележно улыбнулась. Ему опять пришлось спрятать глаза под полями шляпы, буркнув себе что-то под нос. Маргарет с сожалением подумала, что напрасно не попыталась узнать интересующие ее подробности через Теодо-

ра. Может, малышу удалось бы что-то выяснить. Она долго рассматривала Хэнка Уайатта и нахмурилась, решив, что он выглядит как человек, которому совершенно не о чем беспокоиться. Дышал он очень ровно, почти как спящий.

– Что вы делаете?

Ответа не последовало. Маленький парус бесполезно висел вдоль мачты.

– Мистер Уайатт?

Хэнк хмыкнул.

– Я спросила, что вы делаете?

– Собираюсь уснуть, – донеслось из-под шляпы.

Маргарет огляделась, хоть это было бессмысленно. Слева, справа, спереди и сзади – всюду было одно только темное-претемное море.

– Разве мы не должны попытаться что-нибудь сделать?

– Что, например?

– Не знаю. Плыть куда-нибудь. Не сидеть на месте.

– Я не намерен ничего делать до завтра, пока не рассветет.

– В ящике с припасами я видела карту.

Лидия и Теодор играли с Аннабель. Маргарет нагнулась, вытащила из-за спины карту и развернула ее. Хэнк опять сдвинул шляпу, перевел взгляд с карты на Маргарет и обратно и затем процедил сквозь зубы:

– Надо подождать до восхода солнца.

– Я понимаю, что еще темно и шрифт мелкий. Но если зажечь фонарь... – Она поднесла лист к самому носу. – Я

смогу прочитать, если буду держать ее близко-близко.

– Ты сможешь прочитать. – Он повторил ее слова с едкой усмешкой.

– Да. – Она чуть опустила карту и посмотрела на него.

Он почти улыбался.

– Я умею читать карты. – Маргарет, упрямо вздернув подбородок, хлопнула по карте. – Вот смотрите. Восток, запад, север, юг. Тихий океан – здесь.

– О, Смитти, ты молодец, но у нас есть одна трудность. Покажи мне, где восток.

– Вот. – Она ткнула пальцем в карту.

Хэнк покачал головой:

– Нет, милочка, не там, а здесь. – Он обвел глазами лодку и темное море. – Где восток?

Маргарет ошеломленно посмотрела вокруг. Не было видно ни звезд, ни луны, только темное небо, затянутое низкими облаками.

– Компаса у нас больше нет. Благодаря вашей козе. – Он метнул такой грозный взгляд на животное, что оно должно было бы заблестеть от испуга, но коза спокойно продолжала что-то жевать, лежа на днище у ног Теодора. – Именно поэтому я не стал разворачивать парус.

Хэнк стал втолковывать ей медленно и отчетливо, как будто объяснял ребенку:

– Какой смысл читать карту, если мы не знаем, где находимся?

Точка отсчета. Маргарет застыла на месте, чувствуя себя маленькой дурочкой, затем аккуратно сложила и убрала карту. Конечно, он был прав. Она избегала его взгляда. Это было ужасное чувство. Совершить такую глупую ошибку!

– Я посплю.

Тут она подняла глаза, но он уже опять натянул шляпу на глаза и скрестил руки на груди.

Маргарет осознавала свою беспомощность и бессилие, и это были чувства, к которым она не привыкла.

– Эй, Смитти! – вдруг раздалось через несколько минут.

– Что такое?

– Может, тебе тоже отдохнуть? А то ты завтра не сможешь прочесть карту. – Неприятный смешок сопровождал едкое замечание.

Маргарет молча отвернулась и приготовила постель для детей, сложив несколько спасательных поясов и одеял.

– Дети, ложитесь здесь и постарайтесь заснуть.

Теодор уже и так спал сидя, поэтому он заснул, едва положив голову на импровизированную подушку. Лидия тоже с радостью скользнула под одеяло, придвинувшись как можно ближе к козе.

Маргарет, в свою очередь, устроилась около Лидии, прижав к себе спящую Аннабель, но сразу уснуть не смогла, а лежала, вздыхая и вглядываясь в высокое черное небо. Только на какое-то короткое время облака раздвинулись и показался тоненький серпик луны, но тут же скрылся.

Она сделала ошибку, а это не так-то просто было принять. Ведь она знала, как читать карту, и тем более ей следовало догадаться, что необходима точка отсчета. Как она могла не подумать о такой простой вещи! И что самое главное – она прекрасно осознавала, что может наделать в будущем такого рода ошибок еще много.

– Смитти?

Маргарет, сделав вид, что не слышит, продолжала молчать.

Он тоже молчал.

Но в конце концов она спросила его:

– Ну что?

– Разбуди меня, когда солнце встанет. – Хэнк выждал целую минуту, прежде чем добавить: – На востоке.

Проснулся Хэнк от толчка.

– Мистер Уайатт!

Он глубоко вздохнул и пробормотал что-то похожее на ответ.

– Мистер Уайатт! Вы просили разбудить вас.

– Я передумал.

– Солнце встало.

– Ну а я нет.

– Мистер Уайатт? Вы не спите?

Через несколько минут он услышал, как она вздохнула и что-то проговорила себе под нос. Она ходила по лодке, переставляя и перекладывая какие-то вещи. Он заставил себя

не слышать этот шум и уже чуть было не заснул, как в лодке раздалось шуршание разворачиваемой карты.

Хэнк выругался про себя. Опять она достает его с этой картой. Хорошо, пускай поиграет в капитана Кука, а он поспит несколько минут.

Несколько позднее он проснулся во второй раз от блеяния козы над самым ухом и какого-то еще непонятного громкого звука. Дети о чем-то возбужденно говорили и, видимо, менялись местами, так как лодка качалась.

– Вот он! Теперь уже близко!

Хэнк сдвинул шляпу: первой он увидел морду козы, которая глазела на него с расстояния меньше чем полметра. Он треснул ее шляпой по морде и посмотрел на остальных.

Яркий солнечный свет почти ослепил его, радужные пятна поплыли у него перед глазами, но через какую-нибудь минуту он уже все ясно различал. Сначала прямо перед собой он увидел Смитти во всей красе. Она стояла к нему спиной, поставив одну ногу на сиденье и наклонившись за борт. В руках у нее было весло, и она орудовала им, видимо, что-то доставая из воды.

– Еще чуть-чуть! – восторженно кричал Теодор, который стоял с ней рядом на коленях, Лидия в это время на дне лодки держала Аннабель, чтобы та не выскочила.

Хэнк смотрел на них, затем услышал, как она снова колотит по какому-то предмету в воде.

– Наконец-то! – сказала Маргарет, бросила весло в шлюп-

ку и, кажется, начала что-то привязывать. При этом она так соблазнительно водила бедрами, что Хэнк, сбив шляпу на самую макушку и скрестив руки на груди, весь отдался созерцанию.

«Восхитительно, просто восхитительно!»

Наконец Маргарет выпрямилась.

– Всего получилось семь.

Она повернулась, вытирая руки, встретилась с ним взглядом и замерла на месте.

Хэнк зевнул, почесался, потянулся, намеренно ни на кого не глядя, но, когда он все-таки обратил на нее внимание, Маргарет нахмурилась.

– Какого черта вы тут делали?

Она вздернула подбородок.

– Вытаскивали из воды вещи с затонувшего корабля.

Хэнк встал. На другом конце лодки к швартовой цепи был привязан целый караван чемоданов, деревянных ящиков и бочек. Мусорный бак, с помощью которого он вчера спас Аннабель, был доверху заполнен стеклянными бутылками и кастрюлями. Сверху красовался чайник. Хэнк огляделся. На блестящей глади воды плавала масса всяких предметов и обломков. Тут что-то несколько раз ударило в борт лодки. Хэнк нагнулся, выудил небольшую серебряную бутылочку и стал ее разглядывать. Смитти тоже уставилась на нее.

– Ой, что это такое?

– Ничего, просто старый флакон из-под духов.

Она протянула руку.

– Выглядит прелестно. Может, я...

Хэнк тут же выбросил бутылку за борт.

– У нас здесь в лодке столько всякого хлама, что только этой бутылки не хватало.

После этого Хэнк снова проделал все то же самое: зевнул, почесался, потянулся, пару раз хмыкнул, хрюкнул. Краем глаза он видел, что она покачала головой. Он, естественно, плюнул на это. Посмотрел в ясное голубое небо, сел и стал разворачивать парус.

Смитти тут же достала карту, плюхнувшись на сиденье, разложила ее на коленях, затем вынула из ящика компас, весьма похожий на тот, угробленный козой, протрактор и маленький карандаш.

– Где ты это взяла?

– Хм, это? – Она выглядела рассеянной, видимо, задумалась. – Нашла в одном из чемоданов.

Он молча смотрел на нее.

– Я изучала карту и пришла к выводу, что мы должны держать курс... – тут она положила компас на карту, – ... должны... да, вот именно. – Она взяла протрактор и закончила: – 40 градусов на юг. Или, может быть, 60? Нет, 40 градусов на юго-запад, а не на юг.

Маргарет вытащила карандаш (он был прикреплен к компасу) и заткнула его за ухо.

Хэнк ничего не ответил, проверил концы, затем ветер.

– Мы шли на запад, когда отчалили из порта на острове Дольфин, а вот здесь на карте – остров Кука.

Она еще долго что-то болтала, объясняла, как она вычислила правильный курс, потому что учла время и расстояние. Ей ни на секунду не приходило в голову, что самое главное – это течение и ветер.

Хэнк снова широко зевнул, а она все продолжала рассказывать, как она смогла найти курс, которого им следовало держаться.

Выдохнувшись, она протянула ему карту, указывая пальцем на цепь островов.

– Вот же. 40 градусов на юго-запад.

Хэнк подтянул парус, посмотрел на небо и повернул лодку на 60 градусов на северо-восток. Маргарет посмотрела на него, на карту, на солнце, на парус и на направление, в котором они двигались.

– Мне кажется, вы выбрали не то направление.

Хэнк, как всегда, хрюкнул что-то неразборчивое, что могло трактоваться в соответствии со вкусом собеседника. Богатейшая гамма бормотаний включала оттенки от простого «да» до утонченного «кому это надо?». Маргарет сложила карту на коленях.

– Вы не собираетесь учитывать мое мнение, не так ли?

– Нет.

– Я – взрослый образованный человек, мистер Уайатт, и почему бы вам меня не послушать?

– Думаешь?

– Да, – твердо сказала она.

– А как насчет безоговорочного доверия?

– А как насчет демократии?

– У меня – монархия. Кроме того, ты женщина, – Хэнк ухмыльнулся, – и у тебя нет права голоса.

У Маргарет даже рот открылся от неожиданности, а глаза сузились.

Он сдержал улыбку, хотя и с трудом. Она была очень рассержена. Отвернувшись в сторону моря, Хэнк продолжал дразнить ее:

– Нечего тебе лезть в бутылку, Смитти. У женщин свои способы.

Она еще сильнее рассердилась, даже суставы пальцев у нее побелели, так она вцепилась в сиденье, губы напряглись, но, надо отдать ей должное, она не попала на живца. Он видел, что она обдумывает то, что он ей сказал. Она посмотрела на детей, которые наблюдали за их перепалкой, потом на море. Когда Маргарет обернулась к Хэнку, на губах ее играла улыбка, чего он никак не ожидал. Затем она рассмеялась искренне и без всякой задней мысли.

– О, я вполне вас поняла.

– Думаешь?

– Да. – Она сделала паузу, затем воинственно постучала в грудь кулаком и басом сказала: – Вуф-уф! Мужчина – охотиться, женщина – стряпать!

Хэнк сделал вид, что размышляет, потом поскреб подбородок и произнес:

– Неплохо сказано.

Нимало не смутившись, Маргарет сказала:

– По-видимому, вы и не представляете себе никакого другого, менее примитивного подхода?

Хэнк резко рассмеялся. Да, голова у нее варит.

– Быстро соображаешь. – Он помолчал, затем добавил со значением: – Для женщины.

– Как скажете, ваша милость. – Она одарила его самой сладкой из своих улыбок. – Вы же сами сказали, что у женщин свои способы.

Глава 5

– Эй, Смитти. Как настоящая женщина, знающая свое место, подай мне воды.

Маргарет медленно подняла глаза. Она занималась с Аннабель, пытаясь отвлечь ее. Но ребенок прыгал на коленях, упорно пытаясь уползти и осмотреть лодку. Аннабель не хотела играть, она хотела бы бросать повсюду галеты, крошить их, делать что угодно. Единственное, на что она не соглашалась, – это посидеть спокойно.

Лидия и Теодор два раза поссорились по поводу того, кому из них можно посидеть рядом с козой. Один раз из-за того, кто первый спросил, еще один – кто чье место занимает, и три раза из-за того, кто первый начал. Лидия надула губы, а коза гнусно бляела.

Было очень жарко, Маргарет сидела вся красная, у нее от солнца жутко болела голова. Воздух был таким плотным, что казалось, можно плыть по нему. Маргарет натянула кусок брезента над собой и над детьми. Мокрые от пота волосы свисали на лоб, кроме того, вся она была в крошках от галет, а тут еще монарх повелел подать ему воды.

Хэнк снял свою сутану и остался в той одежде, которая, видимо, была надета на нем в тюрьме: в грубых холщовых штанах с веревкой вместо пояса и рубахе, на которой осталась только одна пуговица. Он остался полураздетым: видне-

лась его волосатая загорелая грудь и плоский, как стиральная доска, живот. Когда-то, может быть, год назад, его одежда скорее всего была белой, но сейчас превратилась в грязно-серую. Одной рукой он придерживал парус, а другой отстукивал какой-то противный мотивчик. Широкополая шляпа затеняла его лицо, и Маргарет не видела его выражения, но тут Хэнк сдвинул шляпу, зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть, затем почесал свой заросший волосами живот. Потом стал скрести подбородок, потом перешел к шее и занялся ею уже с такой силой, что Маргарет искренне недоумевала, почему он не поможет себе ногой. Она наблюдала за ним с беспредельным удивлением. Спустя некоторое время уже он воззрился на нее, как будто ожидая чего-то. Она улыбнулась с невинным видом.

– Ну...

– А что, вы что-то сказали?

– Воды. Дай мне воды.

– О, конечно. – Одной рукой она обняла Аннабель, а другой достала маленькую чашечку. – Позвольте вас обслужить.

Хэнк, с презрением оглядев сосуд, спросил:

– Откуда это взялось?

– Эта чашка? Я нашла ее в одном из чемоданов.

Она повернулась на сиденье к нему спиной. Ребенок засмеялся и захолопал в ладошки от радости.

– Ура! Ура!

«Да, Аннабель, это будет забавно». Маргарет оглянулась

украдкой и увидела, что Хэнк, насвистывая, смотрит на море. Она для вида погремела канистрой с водой, а сама быстро опустила посудину в океан, затем осторожно вытерла ее внешнюю поверхность юбкой. Одарив Хэнка еще одной медовой улыбкой, она протянула ему чашечку:

– Ваша вода, сэр.

Как всегда пробурчав что-то в ответ, он поднял чашку ко рту и осушил ее одним неандертальским глотком.

Вода брызнула у него изо рта во все стороны, и вслед за этим из его глотки полились все его ужасные слова. Хэнк вытер рот тыльной стороной ладони.

– Это же морская вода!

– Я знаю.

– Что тогда это, черт возьми, значит?

– Бунт на корабле.

Он вскочил так, что лодка покачнулась, остановился около мачты, затем прошел мимо нее, схватил емкость с водой и, выпустив очередной заряд своих самых отборных слов, вернулся к своему сиденью. Аннабель посмотрела на него и сказала довольно отчетливо:

– Демо!

Он нахмурился, а ребенок заулыбался, замахал руками и закричал:

– Демо! Демо!

– Нет, Аннабель. – Маргарет погрозила ей пальцем. – Это плохое слово.

Хэнк поднял канистру, отпил воды и поставил ее между ног.

– Разве мы не должны разделить воду на разумные порции?

– Что, испугалась, Смитти?

Она обвела взглядом горизонт и спросила:

– Вы знаете, где мы находимся?

– Мне не нужно знать, где мы.

Это было все равно что разговаривать с камнем.

– У мужчин развиты инстинкты. Шестое чувство.

– Которое называется равнодушием к мнению женщины.

– И это тоже. Я точно знаю, куда направляюсь.

– Без карты и без компаса?

Он для наглядности постучал пальцем по виску и посмотрел на нее с надменным выражением всезнайки.

– У меня все здесь! Дар природы, милочка. Это все равно как вовремя обчистить чей-нибудь карман.

Она покачала головой:

– У вас нет моральных принципов.

Он усмехнулся так, как будто она сделала ему комплимент. Положив руки на борт, он кивнул на чемоданы, качавшиеся за кормой.

– А что, там есть сигары?

Маргарет бросила на него взгляд, который совершенно точно давал понять, что он должен сделать с этими сигарами.

– Пиво?

– Нет. Ни сигар, ни пива, ни танцовщиц канкана.

Хэнк усмехнулся и уставился на ее ноги. Она тоже непроизвольно посмотрела вниз. Мокрое платье прилегало к телу, как вторая кожа.

– Не думаю... – Тут он поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Через несколько минут он засвистел и стал выстукивать другой мотив. Вздыхнул и оглянулся.

– Вот это жизнь. Свежий воздух. Солнечный свет.

Неожиданно Аннабель запустила Маргарет в лицо галетами. Та заморгала, отряхнулась и отобрала жестянку у малышки. Малышка завопила, стала выгибаться в руках у Маргарет с необычайной для ребенка силой. Истерика продолжалась пятнадцать мучительных минут. Хэнк сверкал глазами и в сотый раз спрашивал:

– Ты что, не можешь заставить ее замолчать?

– Я стараюсь, – отвечала Маргарет сквозь зубы, уже отчаявшись справиться с ребенком. Ей даже никогда в голову не приходило, что можно спасовать перед маленьким человечком, который медленно, но неуклонно добивался своего. Маргарет попыталась отдать ей жестянку с галетами, но безуспешно. Аннабель рванулась в очередной раз, все рассыпала и закричала еще громче.

Маргарет отбросила волосы с лица и сказала:

– Я не знаю, что мне делать.

– Боже ж ты мой, сделай что-нибудь!

Тут Лидия подала голос из-под навеса:

– Мама всегда укачивала ее.

– Да, Смитти, послушай, что говорит девочка. Покачай ее.

– Он так говорил, будто это была его идея.

Она медленно сосчитала до десяти.

– Ну чего ты ждешь? Покачай ее.

Маргарет встала, взяла ревущего, брыкающегося ребенка на руки, нагнулась и положила ему на колени.

– Ты покачай!

– Какого черта!

Хэнк как будто превратился в кусок льда. Он сидел, не решаясь даже прикоснуться к девочке.

– Возьми ее у меня!

Аннабель замолчала так внезапно, что они все воззрились на нее как замороженные. Она последний раз всхлипнула, подняла свое мокрое личико и уставилась на Хэнка, а он – на ребенка так, как иногда смотрели на Маргарет адвокаты-соперники. Девочка вздохнула, засунула два пальца в рот, свернулась калачиком, положив головку ему на руку, и заснула.

Похоронные звуки страшной песни каторжников гулко раздавались в густом насыщенном воздухе. Мелодия оказалась еще печальнее, чем думал Хэнк. Он отложил губную гармошку в сторону. Смитти в это время смотрела на океан, дети спали, а коза методично жевала ее юбку. Было слышно,

как волны плескались о борт лодки. Через несколько минут Маргарет обернулась и с отчаянием сказала:

– О, мы затерялись в этом океане.

– Нет.

– Вы знаете, где мы?

Хэнк с умным видом посмотрел направо, налево, затем в небо.

– Мы посреди Тихого океана.

– Как забавно, – потерянно уронила она, – очень забавно.

Она намочила носовой платок в воде и обернула им шею и щеки, затем мокрой тряпкой пригладила волосы.

– Вы вечно волнуетесь о всяких пустяках. Еще ничего не случилось, а вы уже паникуете.

– Ах вот оно что. Мужчины всегда спокойны, рациональны и все всегда понимают.

– Мы не дергаемся из-за всяких мелочей. – Он выразительно посмотрел на ее носовой платок.

– Я не считаю, что освежить себя в такой духоте зазорно. Впрочем, не думаю, чтобы вы это могли понять.

– Мужчина знает, как бороться за жизнь и выжить. Это важнее, чем вышивать подушки и чай попивать.

– Лично я ничего не вышиваю, а чай пью очень редко. У меня есть профессия.

– Профессия? – повторил он со смехом, затем рассмеялся уже от души: – Женщина, чем-то занимающаяся в жизни, кроме болтовни и вышивки.

Ей очень хотелось ответить, но она промолчала.

– Ну и какова же она, эта профессия? Чай дегустировать?

– Он снова засмеялся.

Маргарет внимательно посмотрела на него и сообщила:

– Не думаю, что даже когда-нибудь скажу тебе.

Он пожал плечами, как будто ему было все равно, но через минуту сказал:

– Одну вещь я знаю наверняка.

Маргарет вздохнула:

– Какую?

– Эта твоя профессия не может быть связана с мореплаванием.

– Смейтесь, смейтесь. Я все равно утверждаю, что мы потерялись.

– Вот почему я управляю лодкой, а ты нет.

Он сложил руки за головой и спокойно наблюдал, как она вытирает мокрым платком шею и руки.

– Смитти, перед тобой целый океан прохладной воды. Действуй смело.

– Извините, не поняла.

– Разденься и прыгай.

– Вы что, думаете, что я прыгну в воду?

Он пожал плечами:

– Почему бы и нет? Там прохладно. Назовем это купанием.

Она в очередной раз смочила платок.

– Мне этого достаточно.

Хэнк хмыкнул.

– Что опять такое?

– Фу-ты ну-ты! Неужели нельзя просто поплавать? Сними одежду и искупайся.

Она подозрительно посмотрела на него.

– Я должна поверить на слово, что вы не будете смотреть.

– Этого я не говорил. – Он подмигнул. Она ничего не ответила. – Что такое? Смелости не хватает?

– Сдавайтесь. Ваши приемы на меня не действуют.

– Да. Ты на живца не клюешь. – Он остановился, затем снова стал выстукивать пальцем какой-то мотив, так как догадался, что ее это раздражает. – Скажи мне одну вещь.

– Какую?

– Как называется то, что на тебе надето?

Маргарет нахмурилась.

– Что «то»?

Он махнул рукой на ее одежду.

– Вот это.

– Платье, – сказала она с ядовитой насмешкой, которую мог не заметить только слепой.

– Не очень похоже. Оно слишком тонкое.

– Это импортный хлопок, из Франции.

– Ну это все объясняет.

– Что объясняет?

– Я был в Париже. – Тут он премемерзко улыбнулся.

– О чем вы говорите?

– Ну, Смитти. – Хэнк помолчал. – Эта штука не очень-то тебя прикрывает, когда намокнет. – Он еще выждал, затем присвистнул и, став похожим на кота, глазеющего на сметану, предался воспоминаниям: – Когда я тебе помогал подняться в лодку, это было лучше французских открыток.

Маргарет застыла на месте, она молчала и не смотрела в его сторону.

Но Хэнк не успел насладиться эффектом от своей колкости – неожиданно поднялся ветер, почти так же неожиданно, как и прекратился несколько часов назад. Первый порыв сорвал устроенный ими навес из парусины, второй, посильнее, наполнил парус и растрепал заколотые волосы Маргарет. Лодка закачалась на волнах, стало гораздо прохладнее. Нахмурившись, Хэнк стал осматривать горизонт. Сзади, далеко за ними, быстро передвигались по небу темные грозовые облака. Смитти смотрела в ту же сторону.

– Шторм приближается.

Он буркнул что-то в ответ.

Маргарет наклонилась и поправила одеяло.

Теодор сразу проснулся и сел. Протерев глаза, он сидел и моргал, глядя то на Хэнка, то на океан. Вдруг, показывая пальцем вверх, он закричал:

– Смотрите, это чайка!

Хэнк и Маргарет одновременно посмотрели вверх, затем друг на друга.

– Земля! – сказали они вместе.

Он стал вглядываться в горизонт на севере, а она – на юге.

Вскоре Маргарет закричала, показывая на юго-восток:

– Вон земля! Смотрите!

На первый взгляд остров казался просто краем начинающегося шторма, в котором можно было только разглядеть туманно-пурпурные и серые тона. Но ветер потихоньку усиливался, маленькая лодка мчалась по мелким пока волнам, и буквально через пять минут у них не осталось сомнений, что впереди земля. Остров. У них появилась надежда выжить. Хэнк различал теперь высокие вулканические горы, вздымавшиеся из моря, как кулак. С тревогой смотрел он вверх. Между островом и их лодкой был шторм, темные вихри кружились в безграничной высоте неба.

Шлюпка взмывала в воздух, затем падала почти отвесно вниз. Маргарет чувствовала, как ее желудок падал внутри так же, как лодка. Лидия плакала. Маргарет крепко держала ее за руку, временами приговаривая:

– Все в порядке. С нами все будет хорошо.

Но лодка падала снова, и она сама не знала, кого хочет убедить – себя или детей.

Она, дети и коза лежали под брезентом, который Хэнк закрепил у самого дна лодки, пытаясь как можно лучше защитить детей. Со своего места Маргарет видела его колени. Хэнк привязал себя куском веревки к сиденью, он пытался с помощью весел удержать лодку на плаву. Ей не видно было

его лицо, только руки, крепко сжимавшие весло.

Огромная волна снова потащила шлюпку наверх. Воды кругом было столько, что Маргарет почувствовала ужас, близкий к паническому. Волны продолжали накрывать их, шторм бушевал, выл ураганный ветер. Коза дико блеяла, иногда вскакивала, Лидия и Теодор с трудом держали животное за шею. Маргарет, уткнувшись лицом в брезент, постаралась призвать на помощь логику, обдумать ситуацию. Хэнк в это время пытался до нес докричаться, но, пока не ударил ее ногой, она ничего не слышала.

– Женщина! Ты оглохла?

Она обернулась, только когда он еще раз прокричал ее имя.

– Иди сюда, черт побери!

Она повернулась к испуганным детям.

– Лидия! Теодор! Держитесь крепче друг за друга, – сказала она, укладывая между ними Аннабель, – и лежите под сиденьем. Я иду! – крикнула она, выбираясь из-под брезента.

Дождь бил ее по щекам, ветер свистел и бесновался. Маргарет подумала, что сейчас он вырвет у нее все волосы, один за другим. Шум был ужасающий, казалось, он исходит и от океана, и от ветра одновременно. Она видела, как вал за валом накрывает их. Хэнк опять прокричал ее имя, и она повернула к нему голову.

– Мы уже подошли к берегу. Я хочу, чтобы ты смотрела вперед, на рифы.

Все еще стоя на коленях, она попыталась посмотреть в ту сторону, где, по его предположениям, был берег, но почти ничего не смогла увидеть, кроме стены дождя и моря, которое опять поднимало лодку, чтобы через полминуты швырнуть ее вниз. Маргарет в который уже раз попрощалась с желудком, а вода ударила ее с силой брандспойта, струя которого была направлена прямо ей в лицо. Она услышала, как Хэнк выругайся, а потом, схватив ее за плечи, приказал:

– Держись за мою ногу!

Маргарет и правда судорожно схватилась за него обеими руками. Шлюпка опять провалилась вниз. Соленая вода океана больно ударила ее, обожгла нос и глаза. Маргарет поняла, что их выбрасывает из лодки, но веревка, которой они были привязаны, выдержала. И они грохнулись обратно.

Маргарет держалась за Хэнка изо всех сил и чувствовала, что он поддерживает ее за плечи. Когда они упали, она ударилась коленями так, что закричала от боли, но Хэнк помог ей и усадил на дно лодки. Сквозь бурю она услышала, как плачут Лидия и Аннабель, и рванулась к ним, но Хэнк не пустил ее.

Еще одна колоссальная волна, сильнее, выше и массивнее, чем предыдущие, накрыла их. Но тут Маргарет различила какой-то новый звук, которого раньше не было. Она приготовилась к очередному удару, не замедлившему последовать. Вода заплескалась в лодке, опять защипало в глазах, потом дождь смыл соль. Вдруг Маргарет истошно закричала:

– Рифы! Боже мой!

Лодку несло прямо на неровную стену рифов.

Глава 6

Смитти завопила, потом зарылась лицом в колени. И тут Хэнк тоже увидел рифы. «Вот как это бывает. Ну, прощайте...»

Он закрыл глаза в ожидании удара. Стена воды чуть не расколола лодку. Хэнку показалось, что Господь Бог стукнул его по шее, но он отряхнулся от воды, чтобы посмотреть, откуда же их накрыла последняя волна. Было такое впечатление, что она пришла с другой стороны. Но Хэнк не успел это обдумать – их накрыла следующая волна, и пена забурлила на брезенте. Рифы все еще были впереди, но теперь их накрывали еще волны, которые шли уже от скал. Шлюпка опять поднялась на волне, но не полетела вперед, а как бы застыла на месте, остановленная рукой великана. Валы накрывали их один за другим, но лодка не двигалась вперед. Едва дыша от обрушивавшейся на него воды, Хэнк оглянулся и все понял. Понял, в чем было дело. Их перенесло над первой грядой рифов, но вместо того, чтобы разбиться о скалистый берег, они удержались... на швартовочной цепи, к которой Смитти привязала подобранные в море чемоданы и сундуки. Они застряли, как крючок, в рифах, и лодка болталась, как на якоре. Хэнк не верил своим глазам.

– Ну, не теперь! Еще поборемся. – Он не договорил, вода залила ему рот и нос.

Лодка прогнулась и чуть не перевернулась. Хэнк, не медля больше ни секунды, отрезал веревку, которой он был привязан к сиденью. Смитти что-то крикнула, и он почувствовал, как она опять схватила его за ногу. Он пополз к цепи.

«Продержаться хотя бы еще несколько минут». Он продвигался медленно, но наконец ему удалось схватить цепь. Он зацепился ногами за сиденье и стал тянуть цепь, перебирая по ней руками и стараясь подтянуть лодку к рифу. Это была тяжелая работа. Цепь была скользкой. Ему с невероятными усилиями удавалось преодолевать всего по несколько сантиметров. Но самое худшее было то, что он не знал, сколько еще времени выдержит ниточка, связывающая их с жизнью. Если она выдержит. Одной волны было достаточно, чтобы разорвать ее, и тогда они понесутся прямо на рифы. Но тут лодку боком ударило о скалы и опять накрыло волной. Хэнк закашлялся, и руки его снова заскользили по цепи, как по водоросли. Он выругался, закричал и нечеловеческим усилием остановил лодку. Он держал ее так крепко, как это только было возможно. Затем рядом с ним оказалась Смитти, она тоже схватилась за цепь и, прокричав ему: «Не останавливайся!» – стала тянуть ее изо всех сил.

Они работали вдвоем, рука об руку, с адским напряжением, несмотря на волны. Вскоре лодка стукнулась о скалы, сразу за этим обрушилась волна, но они держались с отчаянием обреченных. Хэнку удалось ухватиться за корму и вместе с очередной волной сделать последнее мощное усилие.

Рывком лодка продвинулась вперед и скользнула в расселину скалы.

– Хватай детей и выбирайся! – крикнул он, борясь с морем за обладание лодкой.

Смитти передала ему скулящую Лидию. Он посадил девочку, дважды пригрозил ей, и она оказалась в защищенной от волн выемке под прикрытием скалы.

– Жди там и прекрати ныть!

Затем Смитти подтолкнула Теодора, который, естественно, сначала подсунул Хэнку козу. Хэнк, конечно, послав козу ко всем чертям, бросил ее Лидии, затем поднял ребенка, который уже сам переполз в укрытие, поближе к сестре и козе.

Теперь настала очередь Смитти, прижимавшей к себе Аннабель, но следующий вал воды сбил их с ног. Хэнк, державший лодку на последнем дыхании, услышал за спиной крики Смитти и плач Аннабель.

– Смитти, вставай!

Она каким-то чудом сумела подняться, прижимая Аннабель к груди.

«Иди же, милая».

Она подползла – хотя и невозможно было представить, как ей это удалось, – и через мгновение оказалась в относительной безопасности. Следующая волна перевернула пустую лодку вверх дном и прибила к расселине. К несчастью, якорь полетел вслед за лодкой, и холодный металл ударил Хэнка по голове. Мгновенная острая боль пронзила его, и

что-то теплое потекло по правой стороне лба и глазу. Он смахнул кровь и увидел прямо перед собой ржавые звенья цепи. Не думая о том, что делает, он взял якорь и, размахнувшись им, как молотом, вогнал его в утес.

Шлюпка была небольших размеров, но она могла послужить хоть какой-то крышей и защитить их от стихии. Волны били в днище лодки, и скорее всего она недолго бы продержалась, если бы не якорь с одной стороны и цепь с сундуком – с другой.

Хэнк дышал часто-часто, кровотечение усилилось. Он повернулся к ним. Дети и Смитти были в безопасности. Он увидел на их лицах неподдельный ужас.

– У тебя кровь! – закричала Смитти, протягивая к нему руки.

Затем все закружилось, и в глазах у него потемнело.

Маргарет попробовала вытащить якорь, но он даже не шелохнулся. Она дернула еще раз, потом выронила цепь и вытерла руки подолом платья. У нее не хватило сил ни ослабить цепь якоря, ни подтянуть сундук. Она вернулась в расщелину. Хэнк все еще лежал без сознания. Тут же были дети с неизменной козой. Шторм недавно кончился, хотя она не могла бы сказать когда. Она совершенно потеряла счет времени. Маргарет понимала, что должна предпринять что-то. Они не могут здесь оставаться. Надо подумать и выбираться отсюда. Лидия играла с Аннабель. Вдруг девочка спросила:

– Что мы будем делать?

– Пока не знаю. Я не могу вытащить якорь, поэтому мы не можем выбраться.

Маргарет села и, склонившись, положила голову Хэнка на колени.

Дети смотрели на тоненький ручеек темной крови, струившейся у него из раны на лбу. Маргарет слегка прикоснулась к нему обрывком платья.

– Я думаю, он скоро очнется и все будет в порядке, – сказала она бодрым голосом. Но, скорее, она пыталась подбодрить себя. Она совсем не была уверена, что все будет хорошо.

Но по крайней мере они были живы. Хэнк, несмотря на рану, тоже был жив. Грудь его поднимается, значит, он дышит. Рана его шла от черной брови вверх, по лбу, и исчезала в волосах. Именно там и была ее самая глубокая часть. Его загорелая кожа была слишком темной и поэтому не казалась бледной, но губы были серого оттенка. В этом не было ничего хорошего. Вдруг он еле слышно застонал.

– Мистер Уайатт?

Ничего. Никакого ответа.

– Хэнк?

Он опять застонал.

– Ты слышишь меня?

Она оглянулась на детей, снова на него. Если обморок продлится, надо срочно что-то делать.

– Хэнк?

Его дыхание было медленным и ровным.

Она опять прижала лоскуток материи к ране, обеспокоенная тем, что приходится применять силу, чтобы остановить кровь.

– Не знаю, какова именно твоя профессия, но ты, милая, явно не Флоренс Найтингейл.

Его нос был в десяти сантиметрах от ее груди, отделенной от его горячего дыхания тонкой батистовой преградой.

– Я был прав, – он причмокнул, – сквозь это платье видно решительно все.

Его лукавый взгляд переместился от ее груди к глазам, он ей подмигнул.

– У тебя две секунды, чтобы убрать голову.

– А то что? – Он не двинулся, только ухмыльнулся.

Маргарет слегка наклонилась и прошептала:

– Получишь по носу!

– Почему-то я тебе верю, Смитти, – слышался его гнусный смешок, который был ей так же приятен, как щелчок по носу.

Хэнк быстро сел и поморщился, затем обхватил руками голову и чертыхнулся. Опустив руки и с удивлением увидев кровь, спросил:

– Что это было?

– Тебя ударило якорем, – ответила ему Маргарет и взяла у Лидии ребенка.

Укачивая Аннабель, она ехидно добавила:

– К счастью, удар пришелся по голове, иначе он бы тебя убил.

Хэнк подозрительно посмотрел на нее, во взгляде было обещание возмездия.

Она невинно улыбнулась в ответ и продолжала качать ребенка.

– А когда кончился шторм?

– Трудно сказать. Некоторое время назад.

Хэнк поднялся и начал раскачивать лодку. Вскоре якорь, который она не смогла даже сдвинуть, стал поддаваться. Он схватил цепь обеими руками, освободил якорь и наклонил шлюпку на одну сторону. Все, что они смогли увидеть перед собой, было неширокой полоской розоватого неба, но этот вид показался им просто прекрасным, ведь еще совсем недавно Маргарет была убеждена, что скалы – последнее, что она видит в жизни.

Хэнк полез на скалы, а она повернулась к Лидии и Теодору, которые были увлечены разговором с козой. Как заботливые родители, они убеждали животное, что все уже позади и теперь все будет в порядке.

– Эй, Смитти!

Она взглянула наверх. Солнечный свет бил ей прямо в глаза, и сначала ей ничего не было видно. Она только слышала мерный плеск волн о берег, крики чаек, чувствовала приятные свежие ароматы тропических растений.

– Иди сюда. Посмотри, – позвал ее Хэнк.

Она с трудом вскарабкалась на скалы, так как у нее на руках была Аннабель. На коленях она добралась до плоской вершины скалы и застыла на месте. Она не могла вымолвить ни слова, не дышала, казалось, сердце и то перестало биться.

Перед ней лежала широкая бухта небольшого островка в тропиках. Над ней и над зелеными холмами переливалась насыщенная цветами радуга. Вдали высился темный конус вулкана, на его высокой стройной вершине притулилось белое кудрявое облако, и поэтому казалось, что небо касается острова. Вода в бухте поражала всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками голубого и синего, от цвета морской волны до бледно-зеленого. У самого берега отливающая серебром вода пенилась, как сахарная вата, и исчезала в мокром песке. Вдоль берега было множество высоченных пальм и цветущих кустов.

Даже небо здесь было другим. Предзакатное солнце огромным желто-розовым шаром катилось на запад, окрашивая облака в жемчужно-серые цвета. Это было то же самое небо, та же самая земля, но это было слишком красиво, чтобы быть землей. Может быть, она так остро переживала красоту этого обыкновенного для тропиков места потому, что никогда раньше не испытывала таких острых ощущений, не сталкивалась с нетронутой природой далеких островов. Радуга рассеялась, как вчерашние мечты. На поляне белый песок слегка окрасился в розоватые тона заката. Облако

заслонило солнце, но воздух был теплым. Кокосовые пальмы слегка качались под теплым бризом, похожие на широко распахнутые ладони, ласково приветствуя вновь прибывших. Цвет листьев на ее глазах изменился от зеленого до фиолетового, а море стало из серебряного розовым.

Удивленная тем глубоким впечатлением, которое произвел на нее остров, Маргарет наблюдала за изменением окружающей природы.

Нельзя сказать, что это был первый остров, который она видела в своей жизни, или первый закат, или такое розовое небо после шторма. Она видела множество великолепных пляжей: северное побережье Калифорнии недаром ими славится.

Но на этот раз все было совсем по-другому. Ей трудно было поверить, что это тот же самый Тихий океан, который был знаком ей с самого детства. Остров, лежащий у ее ног, покорила ее не просто чувством умиротворенности. Она не просто преклонялась перед его сказочной красотой. Он был нетронут, как будто мир прошел мимо него. Его как будто сама природа спрятала, чтобы защитить, сохранить в неприкосновенности такую драгоценность.

Дети молча к ним присоединились, сначала осторожно, потом с любопытством, затем начали оживленно болтать, показывая друг другу цветы и птиц, растения и ярких рыб. Аннабель тянула ее за ворот платья вниз, но Маргарет только крепче обнимала ее.

Девочка трогала ее за плечо, хотела привлечь внимание, но Маргарет не могла оторваться, даже отвести глаза. Единственное, на что она была способна, это прошептать:

– Это земной рай.

Глава 7

– Глупости!

Маргарет, вздернув подбородок, в упор смотрела на Хэнка.

– Что конкретно глупо? То, что я имею свои соображения, или то, что ты со мной не согласен?

– Послушай, милочка. – Сундук, который Хэнк нес на плече, с глухим стуком упал на песок. – Занимайся детьми, а все остальное я буду решать и делать сам.

Маргарет отвернулась и поискала глазами детей не потому, что он так сказал, а потому, что поймала себя на том, что и правда на какой-то момент забыла о них. К счастью, Аннабель спала, свернувшись калачиком на куске парусины под пальмой. Рядом на всякий случай стояла керосиновая лампа. Не то чтобы было темно, но видимость все же была плохой. Теодор рядом что-то строил из мокрого песка. Коза жевала водоросли, подле нее на коленях стояла Лидия. Ее светлые волосы всюю подметали песок, так как девочка пыталась взглянуть на живот козы. Под выменем стояла маленькая чашка. Видимо, она пыталась подоить козу.

– Лидия, подожди! – Она повернулась к Хэнку, который тоже смотрел на девочку, и они одновременно пошли к ней.

– Эй, девица! – закричал Хэнк. – Ты что, собираешься доить ее?

Лидия взглянула на него и молча кивнула.

– Просто бери ее за сиськи.

– Соски! – Маргарет немедленно двинула его локтем по ребрам.

– Черт тебя возьми, Смитти, это одно и то же.

Она поморщилась и тихо сказала:

– Не забывайся. Ты разговариваешь с одиннадцатилетним ребенком.

– У нее они тоже когда-нибудь будут. Поэтому с тем же успехом она сейчас может узнать, как это называется.

Маргарет задумчиво посмотрела вниз.

– Ничего не выходит, – нахмурившись, объявила им Лидия, явно ожидая ответа на вопрос.

Хэнк опустил на корточки и взялся рукой за вымя. Коза тут же повернула к нему голову и проблеяла что-то нелестное прямо ему в ухо.

– Провались оно все пропадом! – возопил Хэнк, от неожиданности усевшись на песок, и начал хлопать себя ладонью по уху. Коза спокойно затрусилась по пляжу к новому островку водорослей.

Маргарет обняла за плечи погрустневшую девочку:

– Наверное, сейчас не время доить ее, Лидия. Может, ты посмотришь за Теодором, чтобы он не приближался к воде?

Она кивнула и убежала, а Маргарет, набрав в грудь воздуха, приступила к Хэнку.

– Ты не должен так разговаривать с маленькой девочкой.

– Как разговаривать?

– Грубо. Она только что потеряла мать и отца, пережила кораблекрушение, попала на остров с двумя незнакомыми взрослыми. Ей же до смерти страшно.

– Ничего, переживет.

– Ты такой же чувствительный, как камень.

– Думаешь? Смитти, послушай меня. Ты, наверное, полагаешь, что чувствительность и несколько монет – это как раз то, что позволит тебе раздобыть чашку кофе. – С этими словами он встал и пошел по песку прямо к сундукам и бочкам.

Маргарет, облокотившись о шершавый ствол высокой кокосовой пальмы, смотрела, как он подтаскивает еще один сундук к их имуществу. Затем она снова стала говорить о своем:

– Ты только усугубляешь наше трудное положение, а зачем? Ведь это никому не принесет пользы.

– Ты права. Все легко и просто. Спокойно делай, что я тебе говорю. – Он повернулся к ней спиной и пошел вдоль пляжа.

Молчание далось Маргарет с большим трудом. Ее так и распирало запустить в него что-нибудь очень тяжелое и громоздкое, хотя бы сундук. Но к тому времени, когда Хэнк подтащил еще две огромные штуковины, она взяла себя в руки и решила изменить тактику.

– Хорошо, приведи мне пять веских причин, почему надо строить лагерь здесь, а не там! – И она указала ему на вос-

хитительный уголок, который нравился ей тем, что был не виден с берега, укрытый скалой, но оттуда все равно можно было любоваться лагуной. Кроме того, она считала очень важным его местоположение. Там протекал ручей с пресной водой и, главное, находился небольшой водопад с естественным бассейном, скрытым в роще гибискуса, росли две огромные мимозы и бананы. Кроме того, что там было очень красиво, ее устраивало и то, что у них будет вода и пища. Ее план был основан, как ей казалось, на логике. Она довольно долго анализировала сложившуюся ситуацию и считала, что все очень хорошо продумала. Хэнк тем временем носил чемоданы, сундуки и все припасы, которые они смогли отобрать у моря, на самый край лагуны, туда же он приволок и шлюпку. Он посмотрел на нее и тряхнул головой:

– Ты никогда не сдаешься?

– Не пытайся сменить тему, не поможет.

– А что поможет?

– Легче ответить. – И она повторила свой вызов: – Приведи мне пять веских причин, почему мы должны остановиться именно здесь.

– Ну хорошо. Причина первая. – Он махнул перед ней большим пальцем. – Я так сказал.

Она закатила глаза.

– Номер два. – Он поднял указательный палец. – У меня есть опыт выживания в трудных условиях.

Да, с этим она была согласна.

– Номер три. – Теперь он размахивал у нее перед носом уже тремя пальцами.

– Подожди!

Хэнк замолчал.

– Что ты делаешь? – Она уставилась на его пальцы. Он бросил на нее сердитый взгляд, потом отрывисто сказал:

– Я перечисляю тебе доказательства того, что я прав, а ты нет.

– Ты неправильно считаешь.

– Один, два, три. – Он выставил вперед сначала большой палец, потом указательный, потом средний. Хэнк, кажется, был искренне удивлен. – Ты знаешь другой способ? Два, девять, семь?

– Указательный палец обычно означает один, средний – два и так далее, а большой – это номер пять.

У него даже глаза сузились от злости. Он попытался помахать у нее перед самым носом средним пальцем.

– Это, как бы там ни было, номер три.

Напрасно он рассчитывает, что она так легко обидится и прекратит дискуссию. Она неслышно вздохнула и посмотрела в сторону.

– Номер три, – продолжал он. – Я абсолютный монарх, а вы – мои подданные.

Она бы с удовольствием возложила корону на чело его величества, но если даже якорь не смог его вразумить, то ему уже ничего не поможет.

– Номер четыре. Ты – женщина, у тебя нет права голоса.

Она почувствовала, что вся напряглась, и стала ногой бессознательно отбивать какой-то ритм, но тут же остановилась: ей не хотелось показывать свое отношение к его словам.

– Номер пять. Я – мужчина, и все будет так, как я скажу.

Хэнк повернулся к сундуку, всем своим видом показывая, что его приговор обжалованию не подлежит.

Это было даже хуже, чем разговаривать с камнем. Она в упор смотрела на его широкую спину. Хэнк склонился над цепью, которой были связаны сундуки и чемоданы, он никак не мог отвязать цепь от ручки одного из них.

– А я еще думала, что его оскорбила. Но разве можно оскорбить камни, они ведь бесчувственны! – пробормотала она себе под нос.

Он остановился и посмотрел вверх, на нее.

– Что?

– Ничего. Просто одно наблюдение.

– Хорошая мысль, Смитти. Ты именно должна наблюдать, а это значит смотреть, а не говорить.

Он хихикнул.

В этот самый момент коза как-то занервничала и вдруг уставилась на Хэнка. В следующее мгновение...

С некоторым раскаянием, что должна была бы его предупредить, Маргарет взглянула на козу. Та, наклонив голову, била копытом песок, затем посмотрела на цель: Хэнк нагнулся над сундуком спиной к ним, все еще довольно усмехаясь.

Да... Она вздохнула и малодушно отвела взгляд в сторону. Надо бы его предупредить. Маргарет вместо этого закрыла глаза. Почти сразу она услышала шлепок. Затем проклятия. Маргарет отметила, что его выражения стали еще язвительнее.

Внезапно он остановился. Звук приобрел какой-то новый оттенок. Он стал как бы приглушенным. Она открыла глаза. Хэнк поднялся. Все его лицо было в жемчужно-белом песке. Брови были похожи на двух упитанных песочных гусениц. Рана от якоря тоже покрылась песком. Особенно много его налипло на подбородок, даже губы побледнели. Только около глаз было чисто.

Козу, по всей видимости, эта кутерьма не трогала. Как ни в чем не бывало она трусила по пляжу, опять присмотрев себе завидные водоросли, которые ее интересовали теперь гораздо больше, чем пятая точка Хэнка.

Хэнк стал вставать, как тут же Маргарет подняла руку и закричала:

– Постой!

Он замер, изумленно уставившись на нее. Хэнк хотел было что-то сказать, но только сплюнул вместо этого.

– Не двигайся!

Песочное лицо неподвижно смотрело на нее.. Он сплюнул еще раз, и наконец ему удалось вымолвить:

– Что такое?

– Я хочу запомнить тебя таким. – Маргарет хотела сдер-

жаться и не захохотать. Но у нее ничего не вышло.

Солнце, казалось, двигалось в тропиках нехотя. Вставало и садилось медленно, как будто вязло во влажном густом воздухе, становясь таким же вялым, как и человек. Это утро ничем не отличалось от других. С трудом поднявшись на востоке, ленивое светило окрасило небо над Тихим океаном в розовые, голубые и серебряные краски перламутровой раковины. Хэнк стоял на самой оконечности мыса и смотрел оттуда на остров. Северо-восточное побережье представляло собой сплошные утесы и скалы из известняка. Кроме того, там было очень сильное течение, слишком сильное для спасательной шлюпки. На юго-западе было почти то же самое. Стены из непроходимых скал окружали маленькую лагуну и пляж. У конической вершины далекого вулкана были видны склоны из застывшей лавы, которую воздух и вода окрасили в темный, как у глины, свет. Эти черные реки текли в плотную, буйную зелень джунглей, не тронутую человеком, да и не доступную ему.

Постояв еще немного, Хэнк стал спускаться на уединенный пляж с белым песком. Он глубоко вздохнул, потянулся, стряхивая с себя ночь, проведенную на сырой земле.

Над ним суетились чайки, вспорхнувшие из своих уютных гнезд на самом мысу. Они кричали буквально как петухи при восходе солнца. Одна из них резко нырнула вниз и там уже полетела, свободно скользя над морем. Эту свобо-

ду лишь немногие в мире способны оценить, остальные даже не считают ее бесценным даром природы. Он разделся и вошел в пенный прибой. Пройдя немного, Хэнк нырнул в светлую сине-зеленую волну, потихоньку ожидая следующую. Над ним кружились всякие морские птицы. Вода была прохладнее и чище, чем небо, волны медленно и нежно бежали на берег с утренним приливом. Большими и сильными гребками он легко преодолевал пространство океана, того далекого океана, шум которого он постоянно слушал в камере. Вскоре он был уже за линией прибоя и плыл над отмелью. Хэнк встал, ноги его погрузились в мягкий песок. Вода была ему по пояс, и он медленно пошел, любуясь на желто-оранжевых рыбок, которые с быстротой молнии носились вокруг него и камней, встречавшихся на дне. Дойдя до конца лагуны, он нырнул и тут заметил какой-то отблеск на дне. Он вынырнул, набрал воздуха, опустил голову, вернее, лицо, вниз и постарался сосредоточить внимание на том месте, где ему показалось, что он видит какой-то металлический блеск. Нет, он потерял его. Он опять набрал воздуха, нырнул поглубже, почти пополз по дну и снова заметил блеск, когда морские водоросли, колебавшиеся из-за морского течения, неожиданно немного раздвинулись. Он отбросил растения и увидел за ними что-то металлическое, наподобие глыбы, но это была явно не скала.

Хэнк набрал в горсть песку и стал стирать налипший ил и водоросли там, где что-то поблескивало. Наконец он понял,

что перед ним латунный замок. Замок на чемодане. Руками он наскоро сгреб с него песок. Тут ему пришлось подняться на поверхность. Снова очутившись на дне, он принялся ожесточенно пинать чемодан, пытаясь расшатать его. Высвободив его, Хэнк схватился за металлическую ручку и попытался поднять его на поверхность. Но выплыть с такой тяжестью оказалось невозможным, и Хэнку пришлось волочить его по дну, оставляя за собой глубокую борозду. Пять раз он поднимался, чтобы подышать и отдохнуть, но в конце концов, разумеется, добился своего. Дотащившись до мелководья, Хэнк, уже не останавливаясь для передышки, донес чемодан до берега, где упал на колени и стал хватать ртом воздух. Восстановив дыхание, он стал пристально разглядывать чемодан. Он был сделан чрезвычайно добротно, покрыт черным японским лаком, по краям металлических уголков виднелись шляпки декоративных гвоздиков, правда, потемневших от воды. Замок и точно оказался латунным. Хэнк наклонился к нему поближе. Йельский? Он был не совсем уверен. Но зато он не сомневался в одном: пытаться грубо сломать латунь – это все равно что ожидать страсти от девственницы. Абсолютная потеря времени. Хэнк прошелся по пляжу и нашел обломок доски со ржавым гвоздем. Тогда он сильно ударил доской по стволу пальмы и выбил гвоздь. Вооружившись им как отмычкой, Хэнк бросился на штурм. Сражение, впрочем, длилось недолго. Уже через полминуты замок сдался. Хэнк довольно усмехнулся и прищелкнул пальцами.

Как хорошее вино, некоторые навыки с годами становятся лучше. Он потер руки от предвкушаемого удовольствия и открыл чемодан. Дорогие запахи наполнили воздух. Внутри были вечерние туалеты. Очень хорошего качества фрак и вечернее платье. Еще не веря себе, Хэнк быстро просмотрел все содержимое в поисках драгоценностей, чего-нибудь стоящего, но, увы, там ничего не было.

Ни камней, ни золота, ни монет. Ничего!

Горько рассмеявшись, Хэнк так и сел на песок. Решительно ничего! Бросив мрачный, даже злобный взгляд на чемодан, Хэнк пнул его ногой, думая, что он захлопнется. Но тут неожиданно раздался приглушенный звук. Такой, как если бы что-то стеклянное ударилось о крышку. Он снова открыл его, определенно что-то перекатывалось в крышке. В волнении встав на колени, Хэнк стал уже планомерно исследовать крышку и нашел потайное отделение. В нем в бархатных мешочках лежало пять бутылок. Он достал их одну за другой и присвистнул одобритительно. Там были две бутылки темного выдержанного рома, одна – шотландского виски и две – прекрасного французского коньяка. Он усмехнулся. Это было уже нечто стоящее. Хэнк уселся поудобнее, сорвал печать с виски и, сделав большой глоток, вымолвил долгим вздохом, почти сладострастно:

– Ах! – Он поднял бутылку и поприветствовал ею восходящее солнце. – Отличная вещь. Продирает до самых пяток, – пробормотал Хэнк, затем снова сделал огромный глоток.

Закашлялся, вытер рот тыльной стороной ладони. Жизнь определенно налаживалась.

– Что тут происходит?

Хэнк повернул голову. Метрах в трех от него стоял Теодор. Он ел банан, покачиваясь на носках. Теодору было плохо видно Хэнка из-за чемодана, и тот, воспользовавшись этим, спрятал бутылку в песок и поднялся на ноги. Он не хотел, чтобы мальчик подходил ближе.

– Где остальные?

– Около кокосовых пальм.

Теодор доел банан и, еще дожевывая, вытянул шею, пытаюсь рассмотреть получше, что делает Хэнк. Проглотив остатки, он наконец спросил:

– Где ты нашел чемодан?

– В воде.

– А что там?

– Ничего. – Хэнк со стуком захлопнул крышку. Глаза мальчика вдруг широко открылись.

– А почему ты голый?

Хэнк вдруг осознал свою наготу и выругался про себя.

– Я плавал. Послушай, не окажешь ли мне услугу?

Теодор кивнул.

– Мои вещи остались там, на пляже. Сзади тебя. Около той рощицы из кокосовых пальм. Пойди туда и принеси их мне.

– Я мигом! – Теодор повернулся и бросился со всех ног

выполнять его просьбу...

Хэнк собрал бутылки быстрее, чем, бывало, доставал туза из рукава. Затем он быстро закинул их в самую середину большого куста гибискуса, росшего на краю пляжа, у скалы. Он наскоро забросал их песком и быстрыми шагами отбежал.

К тому времени, когда Теодор вернулся, запыхавшись от быстрого бега, Хэнк уже сидел на чемодане, пытаясь скрыть собственное неровное дыхание.

Парнишка протянул ему одежду, и Хэнк стал надевать штаны, повернувшись к нему спиной.

Теодор охнул.

– Что за багровые следы у тебя на спине?

Хэнк свернул веревку, которой пользовался вместо ремня, и спокойно сказал:

– От кнута.

– Это в тюрьме тебя били?

– Да.

– Тебе еще больно?

– Нет, больше не болит.

– А тогда?

Он пожал плечами, надел рубашку и застегнул единственную пуговицу.

– Да.

Теодор помолчал, потом все-таки не выдержал и спросил:

– А почему тебя наказывали кнутом?

– Видимо, не могли найти себе занятия получше, – бросил он уже на ходу. – Пойдем отсюда.

– А как же чемодан?

Хэнк обернулся и смерил Теодора мрачным взглядом.

– Что ты имеешь в виду?

– Разве ты не возьмешь его с собой?

– Нет.

– Но мисс Смит сказала, что нам надо собирать все, что мы сможем найти, потому что нам все может пригодиться.

«Но вряд ли нам понадобятся фрак и бальное платье. А я тут уже собрал все, что мне нужно».

– Просто оставь его там, где он лежит.

– А что, если волны утащат его? Видишь, его уже почти подмывает.

«Да, прилив возьмет его себе, и по мне это лучший вариант».

Хэнк мельком взглянул на обеспокоенное лицо мальчика, решив его успокоить, взлохматил его рыжие волосы и сказал:

– Не волнуйся, я потом за ним приду.

Он повернулся, чтобы продолжить путь, точно зная, что он придет сюда, правда, не за чемоданом, а чтобы откопать те бутылочки. Мальчик пытался его догнать, Хэнк слышал его учащенное дыхание и краем глаза видел, как сжались в кулачки руки, а ноги так и мелькают. Теодор старался изо всех сил, чтобы не отстать, и Хэнк сбавил ход, а вскоре и вовсе пошел медленным шагом.

– Хэнк!

– Да?

– Ты говорил, что ты – сирота.

– Да.

– Я тут думал...

Хэнк остановился и посмотрел на него.

– На что похож приют?

Он задумался и стал машинально шевелить засохшие водоросли палкой. Затем перевел взгляд на море. Ребенок терпеливо ждал.

– Холодно. – Он смотрел на волны, потом вдруг размахнулся и бросил палку далеко в море. – Там было холодно.

– Ты хочешь сказать, что там не было одеял? Не было огня? Ничего не было?

Он смотрел на Теодора и видел себя. Тридцать пять лет прошло. Наивные годы. Он не стал ничего объяснять, просто отвернулся.

– Послушай, если мне было тяжело, то это не значит, что ты пройдешь через все то же самое. Это совсем не обязательно.

– Ты сказал, что приюты – как тюрьмы.

Хэнк пожал плечами:

– Это было очень давно.

– Когда?

– Давно. Ну, парень, хватит вопросов. – Тут Хэнк резко оборвал его и пошел по пляжу, направляясь к пальмовой ро-

щице, на опушке которой они провели предыдущую ночь.

Он уже отошел довольно далеко, когда вдруг понял, что не слышит шагов Теодора.

Мальчик стоял там, где он его оставил, спиной к нему, и смотрел в безбрежный океан.

– Эй, в чем дело? Ты что, прирос к месту? Иди сюда!

Теодор вытер несколько раз глаза рукой, затем побежал к нему, но вскоре опять остановился. Глаза у него были красные, а лицо мокрое. Он не поднимал головы и стоял, глубоко засунув руки в карманы и уставившись на кучку сухих водорослей. Хэнк внимательно посмотрел на его низко склоненную голову и вдруг предложил:

– У меня есть для тебя загадка.

Теодор сразу оживился.

– Какая загадка?

– Игра в вопросы и ответы.

– А какие правила?

– Я задаю тебе вопрос, а ты должен правильно на него ответить.

– Хорошо, – почти прошептал мальчик.

– Что самое лучшее на необитаемом острове?

Теодор огляделся.

– Пляж?

– Нет.

– Песок?

– Нет.

– Солнечный свет?

Хэнк мотнул головой.

– Бананы?

– Нет.

Теодор глубоко задумался.

– Сдаешься?

Мальчик еще подумал, потом кивнул.

– На необитаемых островах нет приютов и тюрем.

У Теодора от удивления раскрылся рот, через некоторое время его лицо прояснилось.

– Теперь пойдём. Мне нужна твоя помощь.

– Да?

– Старина, мы должны построить хижину.

Хэнк повернулся и пошел. Через несколько секунд он услышал шаги Теодора.

– Хэнк!

– Да?

– Что вон там такое? – Теодор указал на кокосовый орех, лежащий на песке.

– Кокос.

– А откуда он?

– Вон там, видишь? Те высокие пальмы?

– Да.

– Там высоко на ветках есть кокосы. Смотри внимательно.

Ребенок даже засмеялся от радости:

– Вижу!

Они прошли еще немного, и мальчик спросил:

– А что такое кокос?

– Еда.

– Что за еда?

– Кокос.

Теодор нахмурился, видимо, не зная, что сказать. Хэнк усмехнулся и слегка подтолкнул его локтем.

– Теперь ты должен сказать: «Что такое кокос?»

– Зачем?

– Просто скажи так.

– Что такое кокос?

– Еда.

Теодор остановился в недоумении, подумал и сказал:

– Что за еда?

– Кокос, – ухмыльнулся Хэнк.

Мальчик, испытующе посмотрев на Хэнка, спросил:

– Что такое кокос?

– Еда, – засмеялся тот.

– Что за еда?

– Кокос.

К тому времени, как они добрались до опушки, ребенок уже смеялся от всей души.

Глава 8

Она потеряла Аннабель.

– Черт побери, как это можно потерять ребенка?

Маргарет выбралась из глухих зарослей олеандра и, взглянув на Хэнка, плачущим голосом сказала:

– Не знаю, со мной этого раньше не случилось.

Она встала, стряхнула песок и опять стала осматривать окрестности. Лидия плакала. Хэнк даже вспотел от волнения. Теодор молча ждал, что будет делать Хэнк. Аннабель нигде не было.

Маргарет чувствовала себя ужасно, ее терзали угрызения совести, снедали гнев и чувство вины. Мгновение назад Аннабель еще ползала по песку рядом с ней, а теперь ее нигде нет!

– Ради Бога! – Хэнк обернулся к Лидии и закричал на нее: – Прекрати это нытье и ищи сестру!

Лидия остолбенела. Рыдания прекратились, рот ее захлопнулся, и она уставилась на Хэнка мокрыми глазами.

– Вставай!

Лидия быстро вскочила и вся напряглась.

– Иди туда и ищи там! – Он резко махнул рукой в сторону ручья и водопада. – Теодор, отправляйся с сестрой.

Ни слова не говоря, дети помчались к ручью. Он повернулся к Маргарет и после длинной паузы сказал, мрачно оки-

нув ее взглядом:

– Я пойду обыщу весь пляж. – И добавил, помолчав немного: – И воду.

Маргарет остановилась как вкопанная. Ей даже показалось, что ее сейчас стошнит. Аннабель же не умеет плавать. Она была уверена, что девочке еще нет и полутора лет. Ребенок, только что вышедший из грудного возраста! Он может захлебнуться в одной волне. Ее охватила паника, ноги подкосились, она была вынуждена опереться о ствол дерева, в глазах все потемнело. Ей представлялись картины одна страшнее другой. Она глубоко вздохнула и закричала:

– Аннабель!

Никакого ответа.

– Аннабель!

Голос ее дрогнул. Она слышала, как вдалеке все остальные тоже зовут девочку. Она слышала и шум волн, звук, который сейчас никак не успокаивал ее душу.

«Думай, думай! Думай головой!»

Она обхватила руками голову, сдавила виски и попыталась взять себя в руки. Она пошла на то место, где в последний раз видела Аннабель. Никаких следов.

Маргарет заставила себя глубоко дышать и вспоминать все. Аннабель смотрела на небо, показывая пальцем на птиц, и хихикала. Ей очень нравилось, как они летают. Маргарет заставляла себя пристально всматриваться в землю, искать следы медленно. Она стала ходить концентрическими кру-

гами, исследуя каждый дюйм травы и земли в поисках следов. Но ничего не получалось. Маргарет остановилась, оглянулась и снова стала вглядываться в песок, просто на всякий случай. Полянка, где она стояла, с трех сторон была окружена густыми зарослями, а с четвертой граничила с пляжем. Справа от нее, у скал, росли высокие кокосовые пальмы, которые бросали тень на прибрежный песок. Кругом было пустынно. Маргарет решила расширить круг поисков. Еще несколько кругов. Она рассмотрела глубокие круглые следы, оставленные копытцами козы, и маленькие черточки чаек, но, кроме ее собственных, никаких человеческих следов не было. Снова и снова она всматривалась в песок и двигалась по кругу, время от времени отбрасывая с лица волосы, развеваемые теплым бризом.

Маргарет посмотрела в сторону ручья. Лидия и Теодор искали там Аннабель среди кустов и скал. Она перевела взгляд на берег и увидела, как Хэнк бродит по воде. В ужасе она отвернулась и снова уставилась в песок. Ей во что бы то ни стало надо было найти ребенка, и когда она наконец увидела следы маленьких ножек на песке, она уже боялась этому верить. Нет, они там были. Едва заметные следы младенческих ножек. Она хотела закричать, позвать Хэнка, но слова застряли у нее в горле. Уголкем глаза она увидела веревку, натянутую между пальмами, на которой висели их мокрые одеяла. Хэнк натянул ее прошлой ночью. Она подошла поближе. Здесь они провели предыдущую ночь. Маргарет опять

стала всматриваться в песок. Тут лежали сундуки, парусина и все, что им удалось спасти. Здесь было много следов Хэнка, Теодора, Лидии и ее собственных. Но следы были не сегодняшние, а вчерашние.

– Аннабель! – в отчаянии закричала она.

Теплый бриз был довольно сильным, и влажные одеяла шевелились.

– Аннабель! Аннабель! – Плечи Маргарет поникли, руки безвольно опустились. Бриз неожиданно прекратился, и воздух сразу стал тяжелым и влажным. Она прикрыла рукой глаза от солнца и в который уже раз осмотрела берег. Вдруг она услышала какой-то мерный стук.

– Аннабель? – Маргарет крутилась на месте, пытаясь понять, откуда идет звук. – Аннабель!

Тут она заметила, что один из огромных деревянных сундуков качается. Не помня себя от обуревавших ее чувств, Маргарет бросилась к нему и отшвырнула огромную горбатую крышку. Маленькая головка с рыжими кудрями появилась оттуда, как ванька-встанька, и раздалось бодрое «привет».

Маргарет осела на землю. Кровь бросилась ей в лицо, она даже не могла толком вздохнуть, так ее всю трясло. Аннабель улыбалась. Ухватившись за край ящика пухлыми ручками и подтянувшись, она встала.

– Пикабу!

Она мотнула головой и засмеялась от радости. Маргарет

поймала себя на том, что с удовольствием бы сейчас завывала, зарыдала, как Лидия. Она нагнулась и подхватила Аннабель за руки. Ребенок болтал ножками в воздухе и смеялся.

– Так, так!

Маргарет прижимала Аннабель к груди, не в силах отпустить ее. Девочка вскоре затихла, засунула два пальца в рот, удобно устроилась у нее на коленях и стала перебирать ее влажные от слез пальцы, а Маргарет прижалась щекой к мягким волосам Аннабель и закрыла глаза. Она держала ее так крепко, как никого и никогда в жизни. И в такой позе нашел их Хэнк.

– Ты что, плачешь? – Хэнк смерил ее подозрительным взглядом.

– Нет, – сказала она твердо, но глаза ее были влажными от слез.

Хэнк хмыкнул, отвернулся, приложил руки ко рту рупором и закричал:

– Эй, дети! Возвращайтесь.

Он стоял и смотрел, как дети спускаются вниз, прыгая по скалам. Маргарет слышала его бормотание.

– Не успело солнце встать, как она потеряла и нашла ребенка. Вместо того чтобы сообщить об этом, она сидит и ревет.

Он повернулся к ней и увидел, что она укладывает затихшего ребенка в открытый сундук. Затем Маргарет стала отряхивать налипший песок и отвлеклась. В эту же самую

секунду Аннабель, ухватившись опять за край, подтянулась на ручках, вылезла из своего убежища и направилась к кокосовой пальме, около которой мирно паслась коза. Хэнк с любопытством ожидал дальнейшего развития событий. Тут Смитти выпрямилась и посмотрела в сундук.

– Боже мой! – Она так и закружилась на месте.

Хэнк не стронулся с места, а просто показал ей на козу.

– Аннабель! – выдохнула Смитти и подхватила на руки смеющуюся девчонку. Пристроив ее себе на бедро, она медленно вернулась и обожгла его взглядом. – Почему ты позволил ей опять убежать? После всего, что случилось? Почему ты мне ничего не сказал?

Хэнк пожал плечами:

– Я же знал, где она. Кроме того, ты заботишься о детях.

Это твоя головная боль.

Маргарет в ответ даже вздрогнула, как будто у него выросли рога и хвост.

– Ты произнес ужасные слова.

– Что конкретно тебя возмущает? То, что они – проблема?

Но это так. Просто ты – женщина, и они – твоя проблема.

– Пол не определяет ответственность.

– Нет, но другой пол – это очень занятно, гораздо занятнее, чем играть в няньки.

Она скосила на него глаза.

– Это серьезно. По справедливости, мы оба должны нести за них ответственность до тех пор, пока нам кто-нибудь не

поможет.

– Нам здесь никто не поможет. Остров необитаем.

Она оглянулась.

– Ты уверен?

– Да, в джунглях-то есть жизнь, но с тремя детьми мы проверять не будем. – Он хотел на этом уйти, но затем решил разыграть свой козырь. – На некоторые из этих островов никогда не ступала нога белого мужчины и никогда – женщины. Только туземцев. – Он сделал эффектную паузу и продолжил: – Или людоедов.

– Чушь!

– Думаешь? Хорошо, милочка, как хочешь, а я лично не собираюсь попасть в чей-нибудь горшок на воскресный ужин.

– Ты, кажется, не шутишь. – Она нахмурилась, слегка вздрогнула и устало оглядела горизонт. – Что мы будем делать?

– Об этом буду думать я, а ты занимайся детьми. – Он опять повернулся, чтобы уйти, но решил съязвить под занавес: – После того, что сегодня случилось с этим ребенком, я бы сказал, что тебе невредно будет потренироваться.

Смитти тут же открыла рот, чтобы ответить, но не успела, так как к ним подбежали Теодор и Лидия.

– Ты нашла ее! – Мальчик остановился около Смитти и стал похлопывать Аннабель по ручке. Лидия же остановилась на самой опушке, метрах в четырех от них, и у нее было

такое лицо, что Хэнк озадаченно уставился на нее. Девочка посмотрела на него, быстро отвела взгляд и пересекла поляну.

– Дайте мне мою сестру.

Смитти молча протянула ей девочку. Хэнк неодобрительно покачал головой. Он видел: что-то здесь не то.

Тут Смитти тронула его за рукав.

– Нам надо поговорить.

– О чем?

Она оглянулась через плечо на детей, затем посмотрела ему прямо в глаза и спокойно сказала:

– О детях.

Хэнк вытянул руки вперед и отрицательно помотал головой, отвернулся и пошел прочь.

– Хэнк, подожди. – Она рванулась за ним вслед.

Он сделал вид, что не замечает ее. Ему еще надо было выкопать бутылки и построить хижину.

– Хэнк. – Она коснулась его плеча, но он не остановился. Маргарет не отставала. Вскоре он услышал ее яростный шепот: – Я не умею обращаться с детьми. Я ничего не знаю об этом.

– Получше смотри за ними.

– Что? – Она застыла как вкопанная. Нельзя, конечно, было сказать, что она завопила, но звук, который она издала, был криком души.

Хэнк остановился и в последний раз повернулся к ней ли-

цом. Она стояла подбоченившись и пронзала его взглядом. Выражение ее лица напомнило ему мула из «Ворот прокаженного».

– Боже милостивый, женщина, неужели так трудно уследить за маленьким ребенком?

Это было еще труднее, чем спорить с Хэнком Уайаттом. Маргарет в отчаянии подергала за веревку, которая была завязана у нее на талии, потом повернулась и пошла к зарослям. Но как только она потянулась за бананом, веревка натянулась как струна.

– Опять! – пробормотала она в сердцах. Ей казалось, что за последний час она уже как минимум в десятый раз пыталась преодолеть эти несчастные несколько метров. Еще ни разу она не добыла ни одного банана. На этот раз веревка протянулась через три куста гибискуса и украсила веерную пальму, которая стала теперь походить на майское дерево.

В самой чаще находилась Аннабель. Противоположный конец бечевки был привязан к ее поясу. Жизнь била из нее ключом, она улыбалась, качалась на своих толстеньких ножках, приседала и оглашала воздух своим загадочным «Пика-бу!». Она хохотала и ползала между кустов, с наслаждением запутывая веревку. Она, видимо, была просто счастлива, когда привязывала себя и Маргарет ко всем окружающим предметам.

Когда-то давно Маргарет попросили присмотреть за со-

седскими мопсами, и собаки протащили ее по всей Тейлор-стрит чуть ли не волоком, так как погнались за бродячей кошкой, но заниматься с ребенком, оказывается, гораздо труднее. Сначала ей показалось, что она нашла ясный и логичный выход из того затруднительного положения, в которое попала. Она обдумывала решение этой задачи и вроде бы нашла его. Она убеждала себя, что идея привязать к себе Аннабель имела смысл. Однако теперь, глядя на замысловатые петли веревки, протянутой между деревьями и кустами, она понимала, что это все равно что распутывать клубок, которым долго играл котенок. В это время по пляжу пробежала Лидия с каким-то ведерком в руке. Увидев ее, Маргарет выпустила конец веревки и помахала рукой. Девочка остановилась, посмотрела на бечевку, потом на сестру и поставила на землю свое ведро. В нем были спелые манго.

– Мама обычно играла с ней.

– Правда?

– Да.

– А как?

– Ну знаешь, во всякие смешные игры, как это всегда делают мамы со своими детьми.

– Лидия, я на самом деле не знаю.

Девочка наклонила голову набок и уставилась на нее, как на сумасшедшую.

– Как это?

– Я не часто имела дело с детьми.

– Ты не любишь детей? – В ее голосе был вызов, как будто она ожидала признания, что Маргарет не любит ее.

– Это не имеет никакого отношения к любви или нелюбви. Я просто не умею нянчиться с детьми.

Лидия обдумывала ее слова. Маргарет тоже молчала и не двигалась. Она не знала, как заставить девочку поверить, что она не враг ей, и как ей сейчас преодолеть неловкость и натянутость между ними.

Раздался крик Теодора. Он звал Лидию. Та что-то проворговала и унеслась, видимо, довольная тем, что ее позвали. Маргарет смотрела ей вслед, искренне недоумевая, чего могла ждать от нее Лидия. Девочка воспринимала в штыки каждое ее слово, она смотрела на нее, как на недостаточно, по ее понятиям, взрослую.

Маргарет опустилась на песок, обхватила руками колени и положила на них голову. Она переживала ужасную горечь поражения. Ей было невыносимо грустно, может быть, еще и потому, что это случилось с ней чрезвычайно редко. Она сидела на песке и думала, думала, не в силах найти подходящее решение.

Когда она сталкивалась с какой-нибудь трудной задачей в своей практике, она обычно приступала к поиску выхода, делая различные заметки, анализировала вопрос со всех точек зрения, пыталась собрать воедино все возможные решения. Этот метод позволял ничего не упускать из виду. Мыслительный процесс основывался на отборе отдельных клю-

чевых слов, на которых она и сосредоточивала свое внимание.

Маргарет пристально посмотрела на песок перед собой и стала писать пальцем отдельные слова: «Девочка. Гнев. Потеря. Сирота. Ребенок. Мать. Дитя». Ничего не приходило ей в голову. Ни одно слово не было ключевым. Ни одно не вело к разгадке. Она нахмурилась. Потом посмотрела на Аннабель, и ее мысли потекли в другом направлении. Ребенок спал под кустом гибискуса, зажав в маленькой ручке ярко-оранжевый цветок. Два пальца другой руки были засунуты в рот. Маргарет встала, подошла к девочке и развязала веревку. Аннабель спала. Маргарет вытащила ей пальцы изо рта, погладила по головке. Ребенок вздохнул, но не проснулся. Кожа Аннабель была нежной и мягкой. Щеки окрашены розовым румянцем. Кудрявые волосы абрикосового цвета гармонировали с цветком гибискуса, зажатым в руке. Аннабель, сладко вздохнув во сне, подложила одну руку под голову. Ее маленькие босые ножки были испачканы песком, рваный подол ситцевого платья был усеян глянцевыми листьями гибискуса. Только что девочка играла, и через какую-то минуту она уже забылась мирным глубоким сном.

Как так получается, что один маленький здоровый ребенок производит столько шума и является причиной такой кутерьмы и беспорядка? За последние два дня Маргарет стала совсем по-другому относиться к материнству. Раньше она даже не подозревала о том, как много времени и внимания

требуют дети. Раньше она и представить себе не могла, как быстро дети проваливаются в сон. Вот только что они бежали, смеялись, что-то затевали, играли, и вдруг – хлоп! – спят. Причем без всякого перехода – сразу в глубокий сон.

Маргарет потянулась и опять погладила Аннабель по головке. Если бы ее спросили, она не могла бы сказать, сколько времени она вот так просидела. Ее мысли были так далеко! Она размышляла о том, о чем никогда прежде не задумывалась. Интересно, что бы она пережила и почувствовала, если бы ей пришлось дать жизнь другому существу?

Глава 9

Бутылка Мадди достигла берега после сильнейшей бури. Впрочем, за две тысячи лет у Мадди уже накопился огромный опыт по части атмосферных явлений. Он пережил не одно наводнение и ураган. В одном месте, под названием, кажется, Канзас, он повстречался с торнадо. Иногда какие-то безумцы, найдя бутылку, выбрасывали ее. Мадди не переставал удивляться, сколько идиотов сами отказывались от возможности исполнения трех золотых желаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.